

Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Первый год COVID-19: социально-политические последствия пандемии глазами экспертов Клуба «Валдай»

Под редакцией О.Н. Барабанова

ru.valdaiclub.com
[#valdaiclub](https://twitter.com/valdaiclub)

Январь 2021

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907318-25-0

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2021

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Об авторах

Вань Цинсун

Научный сотрудник Центра по изучению России при Восточно-Китайском педагогическом университете (Шанхай)

Иван Тимофеев

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»;
программный директор Российского совета по международным делам

Лоуренс Макдоннелл

Управляющий директор агентства McDonnell& Partners,
бывший корреспондент BBC в Москве

Олег Барабанов

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»;
профессор РАН

Оксана Синявская

Заместитель директора Института социальной политики НИУ ВШЭ

Жан-Мари Геэнно

Старший научный сотрудник Совета Фонда Карнеги по этике
в международных отношениях; заместитель генерального секретаря ООН
по операциям по поддержанию мира (2000–2008)

Томас Грэм

Почётный научный сотрудник Совета по международным отношениям (США)

Канчо Стойчев

Президент Международной ассоциации Гэллага (Gallup International Association, GIA)
(Швейцария)

Андрей Сушенцов

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»;
директор Института международных исследований МГИМО МИД России

Жак Сапир

Профессор экономики Парижской Высшей школы социальных наук (EHESS) и МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

Дмитрий Полетаев

Ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (ИНП РАН); директор Центра миграционных исследований (ЦМИ)

Кристоф ван Агт

Аналитик энергетических рынков Международного энергетического форума

Франсин Меструм

Президент НПО «Глобальная социальная справедливость»; член Совета директоров CETRI (Centre Tricontinental) (Бельгия)

Ричард Лахманн

Профессор социологии Университета Олбани

Ван Вэнь

Исполнительный декан Института финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета (RDCY); вице-президент Школы Шелкового пути Китайского народного университета

Ричард Саква

Профессор российской и европейской политики в Кентском университете в Кентербери

Марек Павел Домбровски

Профессор НИУ ВШЭ; научный сотрудник Центра Bruegel в Брюсселе

Андрей Быстрицкий

Председатель Совета Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Ярослав Лисоволик

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Содержание

- Олег Барабанов**
5 Пандемия и эволюция экспертных оценок.
Предисловие
- Вань Цинсун**
9 Коронавирус и геополитическое противостояние
Дата публикации: 05.02.2020
- Иван Тимофеев**
12 COVID-19: что будет, если отправить всех домой
Дата публикации: 20.03.2020
- Лоуренс Макдоннелл**
15 Вирус дезинформации. Чему можно верить в соцсетях?
Дата публикации: 08.04.2020
- Олег Барабанов**
19 Ценности коронавирусной эпохи.
Мир уже никогда не будет прежним?
Дата публикации: 10.04.2020
- Оксана Синявская**
23 Коронавирус и будущее государства всеобщего благосостояния
Дата публикации: 16.04.2020
- Жан-Мари Гезнно**
27 В мире слабых полюсов. Мультилатерализм после коронавируса
Дата публикации: 06.05.2020
- Томас Грэм**
31 Пандемия COVID-19: рентген современного мира
Дата публикации: 14.05.2020
- Канчо Стойчев**
35 Мы глупцы?
Дата публикации: 05.06.2020
- Андрей Сушенцов**
38 Война никогда не меняется. Почему пандемия не влияет
на международные конфликты
Дата публикации: 23.06.2020

- Жак Сапир**
40 Этика, политика и трагедия локдауна
Дата публикации: 24.06.2020
- Дмитрий Полетаев**
44 Глобальная мигрантофобия: как избежать войны всех против всех?
Дата публикации: 24.06.2020
- Кристоф ван Агт**
47 Зелёная энергия и восстановление экономики после пандемии
Дата публикации: 08.07.2020
- Франсин Меструм**
53 Забота о всеобщем достоянии: с широко закрытыми глазами?
Дата публикации: 05.08.2020
- Ричард Лахманн**
57 Изменит ли COVID-19 государства?
Дата публикации: 17.09.2020
- Ван Вэнь**
62 Компании укрепляются, страны слабеют
Дата публикации: 08.10.2020
- Ричард Саква**
66 Новая волна коронавируса: кризис со знаком минус?
Дата публикации: 12.11.2020
- Марек Павел Домбровски**
72 Дилеммы борьбы с COVID-19: кого спасать, предприятия или людей?
Дата публикации: 30.11.2020
- Андрей Быстрицкий**
78 Камо грядеши
Дата публикации: 28.12.2020
- Ярослав Лисоволик**
82 Оставим позади год пандемии: чего ждать от наступающего 2021 года?
Дата публикации: 08.01.2021

Олег Барабанов

Пандемия и эволюция экспертных оценок. Предисловие

2020 год смешал планы у большинства населения Земли. Пандемия коронавируса очень резко разделила нашу жизнь на «до» и «после». Естественно, что столь масштабное событие, как и его социальные и политические последствия, должно было оказаться в фокусе и экспертного мнения. Поэтому в течение 2020 года, первого года COVID-19, Международный дискуссионный клуб «Валдай» неоднократно обращался к анализу различных аспектов пандемии. В данном сборнике мы решили собрать воедино избранные тексты, опубликованные на нашем сайте по данной теме.

Их авторы представляют разные страны и регионы мира, в чём-то их взгляды и точки зрения на пандемию совпадают, в чём-то противоположны. Но как раз это позволяет полнее отразить ту широкую и острую дискуссию, которая началась в связи с поиском оптимальных ответов государств и обществ на новую угрозу и которая, как мы все понимаем, ещё отнюдь не завершена. Также нам показалось немаловажным и интересным расположить авторские тексты в нашем сборнике в хронологическом порядке и представить их именно в том виде, в котором они появлялись на нашем сайте, ничего в них не редактируя и не меняя. Понятно, что сейчас во многих текстах, написанных в первой половине 2020 года, можно увидеть, с точки зрения нашего сегодняшнего знания об эпидемии, некоторые слишком острые или, наоборот, слишком успокоительные оценки. Возможно, что некоторые авторы сегодня и сами бы не согласились с ними. Но это как раз показывает ту живую и очень быструю эволюцию экспертных подходов, которую продемонстрировал нам первый год пандемии.

В этой хронологии экспертных оценок пандемии можно выделить несколько периодов.

I. Первый рубежный этап – это февраль, когда эпидемия перекинулась из Китая на Италию, что стало поворотным моментом в восприятии событий. Не будем скрывать, что в развитых странах мира (и считающих себя таковыми), в пресловутом «золотом миллиарде» уже давно привыкли воспринимать смертоносные эпидемии как некую абстрактную и далёкую страшилку, рутинный ужас, который показывают время от времени по телевизору о беднейших странах где-то в Африке (СПИД не в счёт ввиду естественной узости и стереотипной маргинализованности его «таргет-группы»). Экзотические названия «лихорадка Эбола», «лихорадка денге», «лихорадка Западного Нила» лишь подчёркивали тот факт, что всё это бесконечно далеко от нас и с нами никогда не случится. Почему? Потому что у нас развитое здравоохранение, потому

что мы соблюдаем гигиенические правила, а в подсознании могло проскальзывать: «Потому что мы другие». Да, конечно, беднейшим странам нужно помогать, что в той или иной мере и делалось. Но, согласимся, не так уж редко в общественном мнении возникал аргумент, что эти страны, чего уж греха таить, «самой судьбой» провиденциально предназначены к эпидемиям и бедствиям. В результате в оценках появлялась моральная амбивалентность.

Современный Китай трудно отнести к беднейшим странам мира, но пока эпидемия бушевала только там, она вполне укладывалась в эти схемы. А вот перенос её в Италию всё изменил. И когда группу итальянских туристов в конце февраля не пустили на Маврикий, то по возвращении назад у одной из туристок вырвалась фраза перед журналистами: «С нами, итальянцами, обращались, как с какими-то беженцами». И эта фраза предельно чётко высветила всю ту моральную амбивалентность, которая стала, на наш взгляд, ключевым социальным фактором первого этапа развития эпидемии. Происходящее позволило поставить вопрос о своего рода «этике коронавируса»: делится ли человечество на людей первого и второго сорта перед лицом реальных глобальных угроз? В материалах клуба «Валдай» того периода поднималась эта проблема.

II. Следующий этап – март, когда эпидемия перекинулась на другие крупные страны Европы, а чуть позднее – на Нью-Йорк. Главное массовое социальное чувство той поры – это страх. Иррациональный и всепоглощающий. Зачастую, впрочем, превращающийся как психологическая реакция замещения и вытеснения в свою противоположность: в бахвальство и ковидоотрицание. Социально-психологическую природу этого страха проанализировал **Канчо Стойчев** в тексте с характерным названием «Мы глупцы?».

III. Далее идёт апрель с его локдаунами, карантинами и появлением эвфемизмов о «повышенной готовности к чрезвычайной ситуации». И с постепенным привыканием общества (пусть и вынужденном) ко всему этому.

Жак Сапир написал по тому поводу текст «Этика, политика и трагедия локдауна», а **Дмитрий Полетаев** рассматривал острую проблему усиления мигрантофобии в связи с эпидемией.

Именно в этот период обрели новую актуальность концепции о глобальном обществе риска, которые из теоретических абстракций вдруг стали самой настоящей реальностью, и на фоне пандемии иногда появлялось ощущение, что так теперь будет навсегда. В этом контексте мы сочли возможным говорить о зарождении новых глобальных ценностей – ценностей коронавирусной эпохи. Из известной дилеммы между свободой и безопасностью почти все страны, кроме Швеции, выбрали безопасность (или то, что под ней понимали власти). В результате сложился оксюморон: ценность несвободы. Другая ценность тоже отдавала чем-то совсем устаревшим и практически замшелым для дискурса XXI века: ценность государства. Но в условиях пандемии и локдаунов всё частное рушилось гораздо быстрее, чем государственное. И на часто ненавидимое государство практически всеми возлагалась последняя надежда: льготы, выплаты и прочее.

В этот же период достаточно чётко кристаллизовались два экспертных подхода к последствиям коронавируса. Отчасти гротескно их заостряя, можно сказать, что один подход постулировал вывод, что «мир никогда не будет прежним», а другой – напротив, что «мир не меняется и останется прежним». В этом сборнике статей различных авторов читатели могут увидеть отражение обоих этих взглядов. При этом одно можно сказать определённо, что, к сожалению, пандемия не остановила международные конфликты и войны: как прежние, так и новые, возникшие уже в 2020 году. Текст **Андрея Сушенцова** объясняет причины этого явления.

IV. Затем пришёл май, и в ряде стран первая волна эпидемии пошла на спад. Начали понемногу ослабляться карантинные меры, Китай вообще остановил распространение вируса у себя. Это было время первого концептуального подведения итогов. В этот период клуб «Валдай» выпустил программный доклад «Не одичать в осыпающемся мире»¹, где были сформулированы наши первые выводы насчёт социально-политических последствий пандемии.

V. Июнь стал месяцем, когда первая волна в Европе и США спала и повсюду стала разворачиваться «вакцинная гонка вооружений». Геополитическое соперничество ведущих государств за лавры первого создателя вакцины от коронавируса стало ощущаться всё сильнее. Одновременно стали говорить о том, что вакцина должна стать глобальным общественным достоянием (*Global Commons*). Что её надо не просто передавать бесплатно в беднейшие страны (обычная гуманитарная помощь от богатых к бедным), но что в отношении вакцины должны применяться принципы «открытых инноваций» и «открытых патентов» с абсолютно свободным и бесплатным доступом к ним для всех. Ранее об открытых инновациях любили говорить, но, как правило, в рамках абстрактных и почти утопических конструкций. Теперь же их по большому счёту впервые в глобальном масштабе предложили перенести на реальные правоотношения. То есть поставили вопрос о принципиальном изменении характера всех рыночных экономических отношений и о переосмыслении самого понятия прибыли. Был брошен вызов сложившейся системе правовой защиты интеллектуальной собственности. И уже не ради примитивного пиратства музыки и кинофильмов, а в высочайших целях глобальной справедливости и равенства. Таким образом, идущие в глобальном обществе не один век дискуссии о противопоставлении морали и права, что высшая моральная справедливость должна преобладать над правовой нормой, что мораль всегда выше права, получили своё преломление применительно к пандемии и вакцине. **Франсин Меструм** в этом контексте писала о том, что здравоохранение в целом должно рассматриваться как глобальное общественное достояние.

VI. Июль и август стали в контексте пандемии «тихим летом» для Европы и США (хотя в этот период начался бурный рост заболеваний в Латинской Америке). В это время уже сформировался массив статистических данных по второму кварталу года, показавший все негативные последствия от локдаунов. Соответственно, в фокусе дискуссии оказались оценка карантинной политики государств и путей достижения коллективного иммунитета, разбор

¹ URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ne-odichat-v-osypayushchemsya-mire/>

различных возможных альтернатив, проблема нарушений прав человека и экономических прав в период пандемии и вопросы об ответственности государств. Эти моменты рассматриваются в Валдайской записке **Алана Фримана** «Сколько ещё должно погибнуть людей?»². **Ричард Лахманн** анализировал то, как пандемия повлияет на роль государства в жизни общества, а **Ван Вэнь** сопоставлял итоги эпидемии для государств и корпораций.

VII. Осень принесла вторую волну эпидемии в Европу и новые тревоги. Это масштабное возвращение, казалось бы, побеждённой летом болезни приводило к пессимистическим настроениям и грустным ожиданиям, что всё это, и правда, надолго. Отсюда вполне естественно вытекало обращение к жанру антиутопии. Мир-2020 как антиутопия в реальности в этой связи сравнивался с известными литературными образцами этого жанра.

Но задача экспертизы – это поиск оптимизма. Именно такой подход, как правило, отвечает ожиданиям массового общественного мнения. **Ричард Саква** размышлял о том, есть ли шанс превратить негативные последствия кризиса в позитивные, воспользовавшись возможностью, предоставленной глобальным потрясением системы. И в этой же логике (отнюдь не антиутопии, но попытки представить позитивную утопию будущего мира) был выдержан и второй программный доклад клуба «Валдай» в этом году «Утопия многообразного мира: как продолжается история»³, ставший итогом всех экспертных рефлексий этого сложного года.

Ещё одна тема, которая получила на фоне *COVID-19* дополнительный стимул к развитию как в общественном мнении, так и в экспертизе – это климатическая политика. Пожалуй, единственным положительным следствием пандемии и сопровождавших ее карантинных мер стало быстрое очищение воздуха. Резкое снижение антропогенной нагрузки привело так же к быстрому расширению среды обитания животного мира. Этот удивительный глобальный натуральный эксперимент показал, что добиться качественных позитивных изменений в борьбе за улучшение экологии, сокращение выбросов и против изменения климата можно очень быстро. Что призывы экологов, если их соблюдать, могут привести к значимым результатам не когда-нибудь через поколение, а практически сразу. Но, с другой стороны, возникло опасение, что для того, чтобы запустить этот процесс, обязательно нужна какая-то катастрофа (как *COVID-19* сегодня). Что человечество по своей доброй воле ничего не сделает. И то, что после восстановления экономической активности, последовавшей за отменой карантинных мер, качество воздуха вновь стало быстро ухудшаться, служит примером этому.

Вот почему уже в первые месяцы пандемии развернулось достаточно мощное гражданское движение во многих странах мира, призывающее использовать переломный момент эпидемии для перезагрузки глобальной энергетической, промышленной и иных политик

² URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-115/>

³ URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/utopiya-mnogoobraznogo-mira-2020/>

на зелёных принципах. Началось активное обсуждение стратегии зелёной трансформации. Один из авторов этого сборника, *Кристоф ван Агт*, рассматривает роль зелёной энергии в восстановлении экономики после пандемии.

В целом, пожалуй, главным новогодним пожеланием большинства жителей Земли стало то, чтобы этот тяжёлый год никогда больше не повторялся. Но в плане экспертизы нельзя не признать, что 2020-й оказался удивительно плодотворным с точки зрения разработки и апробации большого количества радикальных новых идей, слома старых клише и возможности открыто обсуждать многие табуированные раньше темы. За это надо сказать отдельное спасибо пандемии.

Вань Цинсун

Коронавирус и геополитическое противостояние

Дата публикации: 05.02.2020

Негативное влияние коронавируса будет временным, оно не приведёт к катастрофическим последствиям, поскольку правительство Китая решительно настроено эффективно контролировать распространение эпидемии.

Что хуже: коронавирус или американо-китайская торговая война?

Эпидемия нового коронавируса определённо окажет негативное влияние на экономику Китая и мира в ближайшем будущем. Это объясняется международным влиянием Китая, который является второй по величине экономикой мира. Экономические и торговые связи между Китаем и другими странами становятся всё более тесными.

Однако негативные последствия эпидемии будут носить временный характер и не приведут к катастрофическим последствиям, поскольку китайское правительство намерено эффективно контролировать её распространение. Китай вместе с международным сообществом одержит победу над коронавирусом, так же, как в 2003 году была одержана победа над атипичной пневмонией.

Согласно оценке экспертов, глобальный экономический ущерб, вызванный атипичной пневмонией в 2003 году, составил 40 миллиардов долларов США. Можно ли это сравнить с последствиями торговой войны между США и Китаем? Лично я придерживаюсь иного мнения. Распространение коронавируса можно предотвратить, контролировать и, в конце концов, одолеть его. То есть победителем здесь станет Китай.

Подписание же соглашения о «первой фазе» торговой сделки между Китаем и Соединёнными Штатами показывает, что пока в этой войне нет проигравших или победителей. В то же время это означает, что конкуренция между двумя странами только началась и существует много неопределённостей. Я надеюсь, что Китай и Соединённые Штаты смогут извлечь урок из торговой войны и разделить международную ответственность за содействие развитию мира.

Мировая фабрика товаров: дефицит?

Производственные мощности Китая известны во всём мире, и термин «мировая фабрика товаров» не является мифом. В ближайшем будущем китайские предприятия планируют увеличить свои производственные мощности (включая сверхурочную работу, повышение производительности труда и так далее), чтобы выполнять заказы из всех стран мира.

Поэтому в результате коронавируса сокращения поставок китайских товаров в другие страны, скорее всего, не произойдёт, не говоря уже о появлении дефицита. Зарубежные страны уже импортировали огромное количество товаров. Кроме того, они могут временно использовать аналоги из других стран.

Однако хотелось бы отметить, что выполнение Китаем производственных задач требует понимания и поддержки со стороны других стран.

Политические последствия пандемии

В борьбе с вирусной эпидемией правительство Китая прилагает большие усилия на национальном уровне, привлекая в том числе вооружённые силы, чтобы не допустить её распространения по всему миру. Эти меры получили положительный отклик и признание международного сообщества. Другие страны также приняли соответствующие строгие превентивные меры, поэтому вероятность возникновения так называемой «глобальной пандемии» отсутствует. В этом ключе можно полагаться на прогресс в области медицинской науки и техники.

На международном и региональном уровнях мы видим, что всё больше стран начинают дискриминировать туристов из Китая. Граждане оказывают давление на свои правительства. А ради безопасности и здоровья своих граждан многие правительства принимают более строгие правила, ограничивающие граждан Китая. Эти действия понятны. Но мы надеемся на отказ от дискриминационных действий против граждан Китая из-за коронавируса, на разумное и терпимое отношение к китайскому народу и правительству со стороны мирового сообщества.

Коронавирус и геополитическое противостояние

В Китае есть поговорка: 患难见真情. Она означает, что невозможно понять, плох или хорош человек, пока вы вместе не пройдёте сквозь трудности и невзгоды. Другими словами, друг познаётся в беде.

С одной стороны, Соединённые Штаты и другие западные страны неоднократно заявляли о своей готовности оказать помощь Китаю (но до сих пор это только слова, а не дела). С другой стороны, мы видим, что эта эпидемия также создала прекрасную возможность для объединения западных антикитайских сил. Критика в сторону Китая со стороны некоторых западных СМИ, экспертов и чиновников вышла далеко за рамки разумного: она скорее похожа на насмешки, оскорбления, клевету и ругательства. Кто-то на Западе хочет краха китайской экономики и китайского правительства. Это называется 落井下石 – «жестокое обращение с пострадавшими». И это нецивилизованный способ общения и диалога.

Даже если западные страны получают определённую выгоду из ситуации с коронавирусом, они потеряют лицо и ранят чувства китайского народа.

«Опасность» и «возможность»

Эпидемия коронавируса является серьёзным международным вызовом для области общественного здравоохранения.

В китайском языке есть слово 危机 – «кризис». Оно имеет два значения – «опасность» и «возможность». Кризис проверяет всё и испытывает всех.

Нет сомнений в том, что кризис, вызванный коронавирусом, не только проверит эффективность и ответственность гуманитарной работы, проводимой Всемирной организацией здравоохранения и другими международными организациями, но и поспособствует тому, чтобы мировое сообщество стало более прогрессивным и приверженным передовым научным достижениям.

Иван Тимофеев

COVID-19: что будет, если отправить всех домой

Дата публикации: 20.03.2020

Форс-мажорные обстоятельства оправдывают жёсткие шаги и новые способы организации работы, которые в ином случае натолкнулись бы на общественное порицание и протест. Как и любая эпидемия, COVID-19 – временное явление. Однако сам факт чрезвычайной ситуации может спровоцировать изменения, которые останутся с нами надолго. Уже в ближайшем будущем белыми воронами могут стать компании, не переходящие на «дистанционку» там, где это физически возможно.

Быстрое распространение вируса *COVID-19* приводит к заметным сдвигам социальной организации обществ, затронутых эпидемией. Вирус вполне может стать триггером к внедрению и дальнейшему развитию целого ряда управленческих и политических технологий. Многие из них уже давно известны и в той или иной степени внедрялись на практике. Однако человеческой природе свойственна инерционность. История знает множество случаев, когда давно известные изобретения не получали широкого внедрения до тех пор, пока их применение не провоцировал тот или иной кризис. Кроме того, чрезвычайная ситуация позволяет идти на непопулярные меры, которые ранее противоречили праву или морали.

Первое и наиболее очевидное – широкое распространение дистанционных форм работы и учёбы. Современные информационные технологии уже давно позволяют работать удалённо. Существуют продвинутые платформы онлайн-курсов, базы данных, широкий выбор программного обеспечения для заочной работы больших групп и контроля такой работы. Конечно, в целом ряде отраслей и специальностей обойтись без личного общения или присутствия на рабочем месте нельзя. Однако там, где дистанционная работа была возможной, современное общество проявляло завидный консерватизм. Инерционность определяется в том числе статусными представлениями. Например, статус компании без офиса в глазах клиентов или партнёров вполне может казаться более низким в сравнении с привычной «конторой» и аппаратом присутствующих сотрудников. В восприятии менеджеров сам факт наличия рабочих мест и визуального контроля – привычный атрибут статуса и влияния. Для сотрудников также привычнее «ходить на работу» и отождествлять дом с личным, а не рабочим пространством. К 2020 году в бизнесе было немало пионеров, которые освоили новые формы работы. Онлайн-услуги прочно обосновались в коммерческой деятельности и используются даже неповоротливыми государственными органами. Однако коренного перелома вплоть до настоящего времени не происходило. Он вполне реален сегодня. И *COVID-19* даёт прекрасный повод.

В течение нескольких недель, а возможно, и месяцев, многим организациям в России и за рубежом придётся переходить на удалённую работу. Экономика уже несёт колоссальные потери. Дистанционная работа – подходящая форма сохранить деятельность многих предприятий и структур там, где это позволяет специфика.

Чем дольше продлится карантин и необходимость изоляции, тем в большей степени будут входить в привычку давно известные, но до сих

пор широко не принятые способы организации. Чем сильнее будет влияние кризиса на экономику, тем больше стимулов будет у бизнеса сокращать издержки. Расходы на дорогостоящие офисы и рабочую инфраструктуру напрашиваются в первую очередь. Зачем платить лишнее, если возможны иные способы организации труда? Эпидемия попросту принудит к массовому испытанию и внедрению таких форм, обнулив или изменив статусные представления прошлого. Уже в ближайшем будущем белыми воронами могут стать компании, которые не переходят на новую организацию там, где это физически возможно.

Спрос на изменения возможен и со стороны наёмных сотрудников. Они выигрывают время – многие современные города заставляют тратить по несколько часов в сутки только для того, чтобы добраться до работы.

Пойдёт цепная реакция и в других сферах человеческой жизни. Изменений потребует само соотношение личного и рабочего пространств. Современному человеку придётся столкнуться одновременно со сверхсовременной и досовременной структурой. Сверхсовременной её делают новые технологии. Досовременной – необходимость вернуться в традиционную форму неразделённости дома и работы. Современный город с его ограниченными жилыми пространствами попросту не приспособлен для такого симбиоза. Капиталистическая логика урезания издержек и внедрения новых технологий, вполне вероятно, приведёт к колоссальной фрустрации и психологическому дискомфорту. Изменится институт семьи. Люди будут вынуждены заново учиться проводить друг с другом не только выходные, но и вообще всё свободное и несвободное время. Значительный рост числа разводов в КНР на фоне эпидемии COVID-19 – тревожный симптом. Однако новые реалии могут привести со временем и к созданию более комфортной городской и бытовой среды. Зачем ютиться в тесном и шумном городе, если с тем же успехом можно работать в загородном доме или более комфортном пространстве? Здесь же и вопрос о национальных границах и миграции. Доступ к мозгам и компетенциям за рубежом станет значительно проще. Столь же быстрой станет и «утечка мозгов».

Если изменения пойдут по такому сценарию, то они будут иметь серьёзные последствия для функционирования системы власти и государственных институтов. Современные технологии дают большие возможности социального контроля. Вплоть до настоящего времени частная и общественная (публичная) жизнь были довольно жёстко разделены моралью

и правом. Технически государство давно могло забраться в личное пространство многих граждан. Несколько дальше на этом направлении продвинулся бизнес, с его таргетированной рекламой и прочими действиями на основе данных в социальных сетях. Теперь такое проникновение может стать нормой. «Контроль над телом», или всепроникающая микровласть, о которой в своё время писал Мишель Фуко, грозит получить новое качество. Состояние «тревожной поднадзорности» – ощущение постоянной слежки (хотя вестись она может эпизодически и по вполне прагматичным причинам) – реальная перспектива для такого общества.

В свою очередь, организация природы власти будет порождать и новые формы политики, включая способы самоорганизации, распространения идей, протестного или иного поведения. Сочетание таких изменений с трансформациями городской среды и образа жизни способно породить причудливые и нелинейные результаты, до которых далеко воображению научных фантастов.

Лоуренс Макдоннелл

Вирус дезинформации. Чему можно верить в соцсетях?

Дата публикации: 08.04.2020

По мере того, как города, посёлки и деревни всё больше изолируются для защиты населения от не знающей границ смертельной пандемии, люди обращаются к мнениям экспертов и средствам массовой информации, которым они доверяют. В наше время и в текущей ситуации не правительственные СМИ, а социальные сети объединили нас и стали теми голосами, которые рассказывают нам о происходящем и о том, как себя вести и чего ждать. Они стали рупором тех мест, где мы живём.

На момент написания этой статьи мы с сыном фактически находимся на карантине в разных местах, поскольку вернулись в Москву в разное время и разными рейсами. Социальные сети практически бесплатно объединяют семьи. Мы поддерживаем связь с бабушками и дедушками, делимся новостями и историями из жизни. Границ не существует.

Подобно вирусу, от которого мы самоизолируемся, в группах и средствах массовой информации, которым мы привыкли доверять, стали появляться информационные вбросы и истории, которые рассказывал знакомый одного знакомого.

В нынешней изоляции мы делимся всем, любым известием, которое может развеселить или напугать, любой историей или слухом о грядущей разработке лекарства от этой болезни. Эти информационные вбросы идут от пользователя к пользователю и приобрели вирусный статус.

Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения Тедрос Аданом Гебреисус назвал это «инфодемией». «Дезинформация распространяется быстрее и легче, чем вирус, и она не менее опасна», – сказал он в середине февраля.

Объём дезинформации уже затмевает количество заявлений чиновников и рекомендаций правительств. Канцлер Германии Ангела Меркель умоляла своих граждан прислушиваться только к официальным рекомендациям и инструкциям. Премьер-министр Ирландии Лео Варадкар призвал всех прекратить распространять непроверенную информацию: «Эти сообщения пугают людей, сбивают их с толку и наносят реальный вред».

Нет ничего лучше глобальной пандемии для того, чтобы направить умы политиков и влияние средств массовой информации на проверку готовности правительств к совместной работе в борьбе с выпадающей раз в жизни угрозой существованию нашего вида. Мы – уникальный биологический вид, представители которого связаны технологиями, позволяющими нам общаться друг с другом в реальном времени, находясь в любой точке мира, разговаривать правительствам с правительствами, человеку с человеком. Эта глобальная связь изменила мировоззрение людей во всём мире. Посмотрите, например, на шведскую школьницу Грету Тунберг, которая рекомендовала Организации Объединённых Наций спасти нашу планету и убедила правительства и крупные энергетические компании в необходимости найти альтернативу ископаемым видам топлива. Эта кампания легко перешагнула все

границы. Всего лишь один голос вдохновил людей на марши и демонстрации по всему миру в защиту нашей планеты.

Однако сегодня мы сталкиваемся с непосредственной угрозой – пандемией, которая легко пересекает те же самые границы, что и Грета со своей кампанией по спасению планеты. Кампания по защите нашего мира от коронавируса более сложная: она включает множество мнений, часто противоречивых, за которыми стоят политики и правительства, стремящиеся защитить своих людей.

«Инфодемия», свидетелями которой мы являемся, порождена страхом, обусловленным отсутствием у людей достаточной информации от их правительств или недоверием к получаемой ими информации. В этом случае они обращаются к социальным сетям, каналам получения информации, где они обитают вместе с коллегами и членами семьи. Как бы там ни было, но эти платформы зачастую являются носителями вируса дезинформации.

Сегодня правительства и официальные представители медицины стремятся предоставить населению точную и своевременную информацию о коронавирусе. Но их усилия подрываются распространением недостоверной медицинской информации и фальшивых лекарств на *WhatsApp* – одной из самых популярных в мире платформ по обмену сообщениями. Платформа используется для распространения сообщений, в которых нередко содержится смесь правдивых и ложных утверждений, опровергаемых медицинскими экспертами. Проблема стала настолько острой, что мировые лидеры призывают людей прекратить делиться непроверенной информацией с помощью этого приложения.

Другое дело, когда власти понимают, что социальные сети являются наиболее эффективным способом выхода на аудиторию. Так, правительство Великобритании в плотном контакте с *WhatsApp* доносит до миллионов британцев достоверную информацию о *COVID-19*. Это разумный шаг, позволяющий найти возможность общения с широкой аудиторией для оптимальной защиты людей от заражения.

Альтернативный подход – когда *Facebook* и *Twitter* делают всё возможное для удаления дезинформации из сетей – представляет собой нелёгкий путь. Сюжеты самые разные. В одних речь идёт о биологическом оружии, произведённом китайским или американским правительством, причём обвинения в адрес последнего выдвигают Россия или Иран.

В других предположениях излагается медицинская дезинформация о способах предотвращения, лечения или самодиагностики коронавирусной болезни с рассказами о различных зельях из серии «одна баба сказала». Слухи летят через границы с такой же скоростью, с какой болезнь шествует по миру.

Глобальные пандемии не новы. *COVID-19* – новейший в длинной череде вирусов, убивавших людей на протяжении столетий. Сегодня наш мир как никогда тесно связан, и человек как вид запросто пересекает планету из конца в конец. В этом, ставшем маленьким, мире мы стали более уязвимы для агрессивных болезней и вирусов. В то же время наша взаимосвязанность защищает нас с помощью обмена информацией, рекомендациями и знаниями в режиме реального времени. Наша способность беспрепятственно, хотя и виртуально, дотянуться в это непростое время до всех уголков земного шара гарантирует нам выздоровление и выживание. Мы можем предотвратить заражение вирусом гораздо быстрее, в частности, с помощью технологий, которые носим в своих карманах. Так было не всегда, далеко не всегда.

Сто лет назад наш мир был охвачен пандемией так называемого «испанского гриппа», «испанкой», от которой погибло от 50 до 100 миллионов человек. Это была одна из самых смертоносных эпидемий в истории человечества. Первоначально её называли пандемией гриппа 1918 года, и она продолжалась до декабря 1920 года.

Когда пандемия только началась, цензоры времён Первой мировой войны сначала замалчивали реальные данные о смертности в Германии, Великобритании, Франции и Соединённых Штатах. Испания же, будучи нейтральной стороной, сообщила о наличии эпидемии – отсюда пандемия и получила своё название.

Сегодня мы глобально связаны посредством глобальных СМИ. Возможно, в самом начале, как и сто лет назад, мы несколько раз споткнулись в вопросах географии, поскольку этот вирус возник в небольших сообществах, а только затем в целых странах. Но всё же мы – в нашем технологичном мире, который «постоянно на связи», – находимся в гораздо более выгодном положении, чем наши предшественники: у нас есть возможность мгновенно делиться информацией, рекомендациями благодаря целой армии соцсетей, которым мы доверяем, и поэтому мы не спасуем перед угрозой.

Олег Барабанов

Ценности коронавирусной эпохи. Мир уже никогда не будет прежним?

Дата публикации: 10.04.2020

Пандемия коронавируса захватывает всё новые города и страны. Всё большее число людей вынуждено переходить на карантин и самоизоляцию. Многие теряют работу и бизнес из-за приостановки экономической активности. Целые отрасли находятся на грани банкротства. Чувство тревоги и неопределённости в обществе также нарастает.

Естественно, что резкое изменение социальной обстановки по всему миру привело к всплеску экспертного анализа новых проблем и поиску путей их разрешения, если и не прямо сейчас, то хотя бы в среднесрочной перспективе. Это оправданно ещё и потому, что сегодня существует общественный запрос на такую экспертизу. Все другие темы мировой политики и экономики по понятным причинам уходят на второй план.

В результате уже сегодня нет недостатка в различных прогнозах в отношении будущего уклада мира после коронавируса. Все их можно, пожалуй, свести в две больших группы.

Одна точка зрения состоит в том, что после эпидемии всё встанет на свои места. Люди вернуться к радостям жизни, а экономика и социальная ткань взаимосвязей в мире начнут активно восстанавливаться. Скорость восстановления будет зависеть от финансовых ресурсов различных стран и компаний. Здесь наиболее понятным примером (и образцом) может послужить история бурного развития мира после окончания Второй мировой войны. Эту позицию отличает изначальный мировоззренческий оптимизм, а экспертные оценки в этом контексте сконцентрированы на том, как наиболее оптимально и наименее затратно восстановить то, что было. Общим итогом в этой парадигме должно стать возрождение докоронавирусного

статус-кво, естественно, с добавлением большего внимания к решению медицинских проблем.

Другая точка зрения разительно отличается от вышеуказанной. Её концентрированное выражение можно представить во фразе: «Мир уже никогда не будет прежним». Логика её приверженцев состоит в том, что масштаб и уровень потрясений как для мировой экономики, так и для (что не менее важно) социальных связей, ментальных установок и ценностей будет так велик и окажет такое сильное воздействие на социальную психологию, что окажется просто невозможным всё вернуть «как было». Те, кто изучали марксизм, могут вспомнить один из законов диалектики о переходе количественных изменений в качественные. Это как раз тот случай, когда закон начинает действовать и доказывает свою правоту. Главным итогом такого подхода является акцент на необратимости и изначальной трансформационности коронавирусных изменений в мире.

Эта точка зрения в значительной мере базируется на теоретических установках концепции глобального общества риска. Вкратце и упрощённо – суть этой концепции в том, что резкое усиление воздействия человека на природу, усложнение технологического развития и интенсивность глобальных социальных связей, взрывное развитие общества потребления вкуче приводят к тому, что в мире значительно повышается уровень риска различных катастроф, эпидемий и так далее. Отчасти это отголоски старого катастрофизма времён доклада Римскому клубу «Пределы роста», но связанные уже не только с нехваткой ресурсов, но если можно так выразиться, с системным дисбалансом на глобальном уровне. В результате риск и чувство предстоящей опасности становятся постоянными спутниками человечества. И по этой логике даже после завершения эпидемии коронавируса на мир обязательно обрушится что-нибудь ещё. Понятно, что катастрофизм и пессимизм такого подхода не слишком привлекателен, но, согласимся, вполне востребован в глобальном общественном мнении. И не только под воздействием текущей тревоги от темпов распространения вируса. Такой подход важен в не меньшей степени и из-за своего трансформационного потенциала, – чтобы перенастройка глобального общества, экономики и политики после коронавируса была бы проведена в оптимальном формате как раз с учётом возможных в будущем новых рисков и вызовов негеополитического характера.

И в связи с этим встаёт вопрос не просто о политических и управленческих практиках, но и о новых моральных установках для глобального общества.

Каждая эпоха имеет свои ценности, присущие только ей. И если мир «никогда не будет прежним», то его ценности тоже сильно изменятся.

Понятно, что крайне сложно сейчас давать полноценный прогноз по поводу того, какими станут ценности этого нового мира, но первые наметки можно сделать уже сейчас.

Первая ценность этого нового мира, несомненно, будет связана с глобальной солидарностью. В условиях планетарного общества риска именно она становится ключевым залогом для выживания. В то же время, согласимся, первые месяцы текущей пандемии показывают, наряду с яркими случаями такого рода солидарности, гораздо больше примеров закрытости и обрубания глобальных социальных связей. Рост синтофобии в мире на первых этапах эпидемии трансформировался в осязаемые тенденции к ксенофобии по отношению к другим группам риска (к белым туристам в странах развивающегося мира, например). Эта ксенофобия с уровня государств, рас и народов спускается и на более низкие социальные уровни: на уровне отдельных городов, кварталов, вплоть до соседей по дому. Исчезнет ли это чувство ксенофобии после завершения эпидемии, когда всё будет «по-старому», или же останется как долгосрочная ментальная установка по отношению ко всем чужакам, обусловленная пережитыми страхами эпидемии? Если останется, то тогда на пути устойчивого развития мира возникнут серьёзные преграды. Поэтому можно, конечно, высказать предположение, что главной ценностью послекоронавирусного мира станет глобальная солидарность. Но – на фоне противоречащих ей стремлений к закрытости и ксенофобии.

Вторая возможная ценность для нового мира будет связана с дилеммой между свободой и безопасностью. Эпидемия коронавируса очень остро и крайне быстро поставила эту дилемму во главу угла общественного сознания. Стремительно вводимые карантинные меры ограничивают многие права человека. В ряде стран развернулась широкая общественная дискуссия о допустимости и пределах этого. Тезис «эпидемия

закончится, а ограничения останутся» становится востребован. Понятно, что он обусловлен не в последнюю очередь внутривнутриполитической борьбой в отдельных странах, но, согласимся, что в условиях общества риска баланс между свободой и безопасностью, скорее всего, будет смещён в пользу последней. Таким образом, несмотря на политическую провокационность подобной установки, ценность осознанного отказа от свободы действительно может остаться в глобальном обществе и после эпидемии. Она, естественно, может и будет сочетаться с ностальгией по утерянной свободе. В предельном случае – в формате антиутопий а-ля фильм «Матрица».

Третья ценность, которая вырастает сейчас из реакции на эпидемию, тоже практически немыслима в условиях существующего глобализма и его моральных установок. Это ценность государственной поддержки и – шире – ценность эффективного государства как такового. Пандемия показала, что частный бизнес в условиях глобальной катастрофы рухнет быстрее и раньше государства. Он влечёт за собой безработицу, социальный негатив и так далее. Практически во всех странах ключевым сейчас становится вопрос о масштабных мерах государственной поддержки гражданам и частному бизнесу. В долговременном обществе риска этот запрос на помощь государства будет сохранён. Естественно, здесь есть и опасный соблазн к росту авторитарных тенденций со стороны государства, к распространению нетранспарентных и коррупциогенных практик управления, но тем не менее ценность государства в глобальном обществе риска станет гораздо более высокой, чем сейчас.

Четвёртая ценность будет связана с потреблением и глобальным обществом потребления как статус-кво, точнее – с их переосмыслением. Не хотелось бы обращаться к известному немейнстримному дискурсу об «ужасах» общества потребления (в кавычках или без). Но простая логика позволяет утверждать, что в глобальном обществе риска нет места ценности потребления, нет места потреблению как единственной цели существования – хоть среднего класса, хоть широких народных масс, как угодно. И, соответственно, общество риска исключает общество потребления.

Естественно, этот набросок возможных будущих ценностей не полон и отчасти провокационен. Каждый читатель может продумать иные варианты, которые кажутся ему более важными. В завершение отметим, что, естественно, всем хотелось бы надеяться, что пандемия быстро завершится, и всё

вернётся на круги своя. Вышеприведённый оптимистический сценарий восстановления докоронавирусного статус-кво более приятен и желанен в социальной психологии. Но необходимость обеспечить готовность глобальной политики к возможным новым вызовам не позволяет отбрасывать тот пессимистический и трансформационный сценарий с его новыми ценностями (или антиценностями, как угодно).

Оксана Синявская

Коронавирус и будущее государства всеобщего благосостояния

Дата публикации: 16.04.2020

После нескольких десятилетий разговоров о неминуемом крахе социальных государств и торжестве рынка то, что мы наблюдаем в последние месяцы, можно было бы назвать ренессансом государственного патернализма. Всё большее число стран вводят меры, поддерживающие предприятия и население, снижая налоги, распаковывая для этого стабилизационные и резервные фонды, увеличивая государственный долг. То есть делая всё то, что до возникновения чрезвычайной ситуации казалось невозможным.

Сам факт того, что ради спасения человеческих жизней от новой болезни государства готовы поступиться текущими экономическими интересами, свидетельствует о том, что за прошедшее столетие защита здоровья как одного из элементов социальных прав стала неотъемлемой частью общественного договора. Не в меньшей степени, чем защита, скажем, от внешнего врага. Причём, как показала реакция на коронавирус в азиатских странах, не только в западном мире. Этого не было, например, сто лет назад, когда бушевала «испанка».

Означает ли это, что после завершения пандемии разговоры о ненужности государств благосостояния прекратятся? Уверена, что нет. Когда угроза массовой гибели граждан отступит, а экономические трудности, наоборот, обострятся, во имя спасения государственных бюджетов и экономики правительства многих стран, вероятно, вновь заговорят о необходимости урезать социальные расходы, ужесточая доступ к социальным программам, сокращая размеры пособий, усиливая их адресность.

Радикальность этого разворота во многом будет зависеть от докризисного уровня развития страны и того, насколько эффективно ей удалось справиться с коронавирусом: чем меньше было ресурсов и чем дольше и тяжелее протекала эпидемия – больше смертей, больше потери рабочих мест и доходов из-за длительного карантина, – тем выше вероятность, что руководство страны предложит «затянуть пояса» и попытается выйти из экономического кризиса за счёт населения.

И ведь никуда не делись две большие угрозы государствам благосостояния в лице старения населения и технологической революции. Поэтому пандемия коронавируса не изменит долгосрочный тренд на сокращение государственных обязательств в сфере социальной поддержки.

Между тем, если уйти от чисто фискального восприятия социальной политики, то можно увидеть несколько важных уроков нынешнего кризиса, которые могут задать векторы трансформации социальных государств в XXI веке.

Первое, что непосредственно вытекает из специфики поразившего нас коронавируса, – это запрос на новую модель медицины и новую модель старения. Пандемия не только обнажает слабые места систем здравоохранения и проверяет их способность оперативно справляться с чрезвычайными ситуациями. Высокая смертность людей с коронавирусом от осложнений, ассоциированных с разнообразными хроническими заболеваниями, ставит под сомнение эффективность сложившейся в конце XX века модели увеличения продолжительности жизни. В нынешних условиях уже недостаточно поддерживать жизнь людей с нарастающими проблемами со здоровьем. Важно научиться отодвигать начало этих заболеваний и сохранять здоровье граждан до как можно большего возраста. Поэтому появившееся менее трёх десятилетий назад направление антивозрастной медицины, занимающейся выявлением, превенцией и коррекцией возрастзависимых заболеваний, получит мощный импульс к развитию.

Важно подчеркнуть, что продление жизни – это не только и не столько сфера высоких медицинских технологий и дорогостоящих услуг, доступных избранным. Исследования показывают, что существенный вклад в здоровье человека вносит его образ жизни – питание, физическая активность, сон, уровень стресса. И это открывает широкие возможности для государства и негосударственных игроков по продвижению здорового образа жизни и концепции здорового долголетия.

Вторая и, возможно, самая главная проблема, которую обнажила эта пандемия, связана с высокой социальной ценой неравенства. Казалось бы, перед лицом вируса равны все, что подтверждают случаи заболевания среди политиков, известных актёров, спортсменов, представителей шоу-бизнеса и других представителей элитарных слоёв общества. Однако это скорее исключения, не меняющие общего правила: риски заразиться, не получить вовремя надлежащее лечение и умереть, очевидно, выше в низших слоях общества. И чем выше уровень доходного и имущественного неравенства в стране, чем селективнее в ней охват социальными программами, тем, скорее всего, эти различия будут более выраженными, о чём свидетельствуют, например, последние данные из США.

Причин здесь несколько. Во-первых, высокое экономическое неравенство, как правило, сопровождается значительным неравенством в здоровье и продолжительности жизни; значит, в одном и том же возрасте хронических заболеваний у людей с низким социальным статусом будет больше. Во-вторых, представители нижних социальных слоёв чаще заняты в сфере обслуживания и персональных услуг: они работают в общественном питании, торговле, курьерами, таксистами, помощниками по хозяйству, сиделками, нянями. И следовательно, в период эпидемии они либо продолжают работать, подвергая себя высокому риску заразиться, либо потеряли единственный источник дохода. Поскольку зачастую их работа осуществляется неформально, то доступность для них медицинских услуг и социальных выплат во многом зависит от того, насколько готово их замечать государство. Качество жизни в период карантинных мер несравнимо выше в верхних социальных группах, где есть и просторное жильё, и сбережения, и возможности дистанционной занятости. И скорее всего, пожилые представители верхушки общества не окажутся в тех домах престарелых, где массово заражаются и умирают старики – о чём свидетельствуют данные из Франции, Испании, Италии...

В конечном счёте общество, допускающее существование такого высокого неравенства, скорее всего, заплатит более высокую цену за выход из кризиса, порождённого пандемией. Большим числом смертей. Большими рисками обнищания части населения. И скорее всего, большей глубиной экономического кризиса.

Решение проблемы избыточного неравенства – это прерогатива не только социальной политики.

С точки зрения будущего государств благосостояния важно, что пандемия высветила риски ограниченного охвата мерами социальной поддержки, включая медицинские услуги. Она усилила запрос на всеобщий охват минимальной социальной поддержкой и минимальными социальными гарантиями. Не случайно многие развитые государства распространили антикризисные меры на самозанятых, временных работников, подрядчиков, которых они раньше не замечали.

Одновременно нынешний кризис подчеркнул преимущества универсальных государств всеобщего благосостояния. Среди развитых стран меньше всего новых мер по поддержке населения принимается в скандинавских странах. Не потому, что они хуже заботятся о своих гражданах. Просто универсальное социальное государство с множеством социальных программ, охватывающих все слои населения и позволяющих поддерживать достойный уровень жизни в различных обстоятельствах, не нуждается в экстраординарных мерах в условиях кризиса. Универсальность и гибкость страхуют от форс-мажора.

Третий урок пандемии для социальной политики: для поддержания качества жизни важны не только выплаты и не только помощь государства. Старикам, инвалидам, одиноким родителям, по сути запертым дома, не менее важна помощь по доставке продуктов, лекарств, которую взяли на себя волонтёры.

Опыт массовой социальной изоляции показал нам, насколько важны для нас, людей, личные контакты и общение. Несмотря на то что виртуальная среда не заменяет живое общение, информационные технологии сделали возможными новые формы взаимоподдержки. Различные инициативы «снизу»: группы взаимопомощи на базе социальных сетей, благотворительные просветительские программы для детей (чтение книг, виртуальные экскурсии), онлайн-трансляции спектаклей и концертов – все эти проявления солидарности помогают людям выдерживать домашнее заточение.

Несмотря на чрезвычайные обстоятельства, в которых возникли эти проекты, они показывают высокую способность людей, сообществ, негосударственных организаций самоорганизовываться и совместно компенсировать провалы в качестве жизни. И это не первый, но большой шаг вперёд на пути движения от социального государства к социальному обществу (*welfare society*), основанному на ценности человеческой жизни и признании важности качества этой жизни.

Жан-Мари Геэнно

В мире слабых полюсов. Мультилатерализм после коронавируса

Дата публикации: 06.05.2020

Каково будущее многосторонней системы отношений после *COVID-19*? Многое будет зависеть от геополитической конфигурации, которая возникнет в результате кризиса, и от роли, которую международные организации сыграют во время кризиса.

Пока роль международных организаций затмевается усилиями на национальном уровне. Каждая страна сама определяет ответные меры в области здравоохранения, и основная часть решений по смягчению социально-экономических последствий кризиса также приходится на правительства конкретных государств. Все ведущие державы приняли схожую, хотя и не согласованную между собой налогово-бюджетную политику. Все они вкладывают огромные суммы денег в экономику, чтобы создать подушку безопасности как для домохозяйств, так и для предприятий. Объём этой поддержки будет зависеть от продолжительности остановки экономики, но даже если она будет относительно короткой, нет никаких сомнений в том, что государственный долг во всём мире значительно увеличится: МВФ ожидает, что валовой фискальный долг мира вырастет до 96,4% от ВВП в этом году с 83,3%

в 2019 году. При этом две крупнейшие экономики мира и так перегружены долгами. Государственный + частный долг составляет 310% ВВП в Китае, 210% – в Соединённых Штатах. Между тем снижение цен на сырьё и энергоносители нанесёт ущерб странам, где они обеспечивают значительную долю доходов, – таким как Россия, а также нескольким арабским и африканским государствам.

Столкнувшись с этой ситуацией, обратятся ли крупные державы к Организации Объединённых Наций и другим международным институтам? Эффективность работы последних, безусловно, повлияет на решения государств.

ВОЗ, несомненно, важна в качестве платформы для обмена информацией и предоставления рекомендаций и поддержки для слабых стран, которые в ней больше всего нуждаются, но её критикуют за недостаточную независимость. Ещё больше её ослабляют атаки американского президента. Ничто на этом этапе не гарантирует, что эта организация станет более сильным игроком после кризиса. В экономической сфере есть неясность относительно роли Всемирного банка и МВФ. На политическом фронте Генеральный секретарь ООН выступил с призывом к глобальному прекращению огня, но на местах мало что изменилось – конфликты не утихают. Совет Безопасности ООН практически никак себя не проявляет.

Мир может стать более многополярным, но это будет многополярность слабых полюсов, в которой каждый полюс будет ориентирован на внутреннюю повестку, считая приоритетом собственное восстановление. Пандемия усугубит последствия непредсказуемого поведения Вашингтонского руководства, но маловероятно, что какая-то страна сможет воспользоваться плодами этой ослабленной позиции США для своей выгоды. Китай, помимо надвигающейся демографической проблемы – в ближайшие десятилетия его рабочая сила будет стремительно сокращаться, – должен будет ускорить восстановление равновесия в своей экономике, с тем чтобы она была менее ориентирована на экспорт, в то время как его ключевые торговые партнёры пересматривают цепочки поставок. Германия также, вероятно, примет менее ориентированную на экспорт экономическую модель, и Европейский союз в целом сосредоточится на внутренних интересах, сфокусировавшись на защите стратегических отраслей, определение которых он, по-видимому, расширит. Власть распределится более равномерно, но горизонт каждой страны сузится.

Испытание мультилатерализмом наступит, когда крупные державы, подобно пациентам, перенёвшим серьёзный приступ *COVID-19*, осознают, что все они надолго ослаблены и что по итогам кризиса не победил никто, наоборот – многие проиграли.

Глобальная торговля и глобальный рост снизятся по сравнению с предыдущим периодом. Это не пойдёт на пользу никому, но особенно пострадают более слабые развивающиеся страны. Крупные державы по мере перехода на более оборонительную и ориентированную на внутренние проблемы национальную политику будут сталкиваться с серьёзным выбором. Они могут выбрать то, что можно назвать «силовой политикой слабости», или признать, что готовность к сотрудничеству принесёт им пользу в среднесрочной перспективе.

«Силовая политика слабости», несомненно, ослабит мультилатерализм, но она имеет и свои привлекательные стороны. Она даёт возможность практиковать силовую политику по дешёвке, используя слабости потенциального противника, а не наращивая собственные силы, что является длительным и сложным процессом.

При таком сценарии Организация Объединённых Наций, скорее всего, зачахнет, причём не из-за активной враждебности, а из-за отсутствия надобности в ней. Она не может трансформироваться без сильного импульса со стороны своих государств-членов, и даже отсутствия активной поддержки будет достаточно, чтобы ещё больше ослабить организацию, которую и так уже трудно реформировать. Структуры ООН и без того сейчас демонстрируют ограниченную способность решать возникающие транснациональные проблемы, на которые они не были рассчитаны – будь то терроризм, распадающиеся государства или влияние новых технологий. При усилении этой тенденции Организация Объединённых Наций, вероятно, будет вытеснена на обочину, поскольку мир фрагментируется. Отступление будет гораздо более заметным, чем то, которое было в начале холодной войны, потому что с тех пор ООН приобрела важную оперативную роль.

Однако может возникнуть альтернативный сценарий, если группа государств – членов придёт к выводу, что они получают выгоду от сравнительно эффективной Организации Объединённых Наций. В мире, где власть будет распределяться более равномерно, чем когда-либо, ни одна страна не будет настолько сильной, чтобы сформировать систему ООН в соответствии

со своими национальными приоритетами. И Организация вступит в беспрецедентную фазу своей истории, в которой её стратегическая роль будет результатом переговоров между державами, имеющими совершенно разные мировоззрения, но тем не менее стремящимися к тому, чтобы ООН играла значительную роль.

Они могли бы договориться об ограниченной повестке: основанный на правилах порядок с определённой степенью сотрудничества сделал бы мир более предсказуемым, что было бы полезно всем, и особенно глобальным державам, процветание которых связано с их интеграцией в мировую систему.

Мир и безопасность останутся основной миссией ООН, но необходимо будет найти новый баланс между амбициозными концепциями, разработанными в течение первого десятилетия этого столетия, такими как «обязанность защищать», и гораздо более узкими предписаниями Устава ООН относительно применения силы. Интересным испытанием станет эволюция миротворчества. Ведущие державы заинтересованы в том, чтобы остановить расширение неуправляемых пространств, которые могут стать убежищем для терроризма. Государства-члены, не полностью поддерживающие повестку демократизации, которая легла в основу нескольких операций по поддержанию мира в начале 2000-х годов, могли бы согласиться оказывать всестороннюю поддержку рушащимся государствам и использовать систему ООН для обеспечения этой поддержки.

Кризис *COVID-19* показал, насколько взаимосвязан мир и что большинство проблем невозможно решить на национальном уровне. Если Организация Объединённых Наций намерена вступить в новый этап многосторонности, она не ограничится своей ключевой ролью в области мира и безопасности. Климат, пандемии, кибербезопасность, искусственный интеллект – это глобальные вызовы, которые требуют глобальных скоординированных ответных действий. В этом контексте необходимо будет модернизировать и укрепить специализированные международные учреждения. Наконец, ситуация с *COVID-19* демонстрирует, что в любом крупном глобальном кризисе эффективный ответ должен включать технические, экономические, финансовые и политические аспекты. Наследием *COVID-19* вполне может стать более тесная связь между Организацией Объединённых Наций и Бреттон-Вудскими учреждениями.

Томас Грэм

Пандемия COVID-19: рентген современного мира

Дата публикации: 14.05.2020

Глобальные кризисы, такие как пандемия *COVID-19*, редки в истории. Их появление неизбежно приводит к размышлениям о последствиях для глобального мироустройства. Некоторые деятели считают такие события поворотными моментами в истории: мир после кризиса выглядит радикально отличающимся от своего докризисного состояния. Дуга истории резко изгибается, чтобы продлиться в новом направлении. Другие видят в этих кризисах преемственность как общее правило. Это прерывания, а отнюдь не революции. Если после них и происходят радикальные изменения, кризисы воспринимаются как катализаторы, ускоряющие темпы уже существующих тенденций, а не как прямые причины.

Ещё слишком рано, чтобы можно было с уверенностью говорить о том, приведёт ли нынешняя пандемия к изменению мира, будет ли она ускорителем или просто неприятным эпизодом, прежде чем мир вернётся к обычному положению дел. Несмотря ни на что, сегодня пандемия *COVID-19* уже выполняет важную функцию: она выступает в роли рентгеновского снимка, обнажая ранее скрытое устройство мировых дел, которое зачастую не признаётся, игнорируется или отрицается в текущем политическом дискурсе. Чётче всего проявились четыре реалии.

Во-первых, и это самое главное, несмотря на все разговоры о глобализации и появлении мощных наднациональных, транснациональных и субнациональных игроков, национальное государство остаётся основным действующим лицом на мировой арене. Это ключевой ориентир и главный объект преданности для людей во всём мире. По мере распространения вируса люди обращались к своим национальным правительствам за информацией об угрозе и об организации ответных действий. Они ожидали, что их правительства мобилизуют ресурсы для борьбы с вирусом и ослабят сопутствующие экономические проблемы. Только правительства, будь

они демократические, авторитарные или какие-то смешанные, имели достаточную легитимность для этого. Граждане также были готовы отдать больше своих свобод национальным правительствам, чтобы они могли эффективно бороться с вирусом.

Правительства получили большие полномочия для практики надзора. Сфера частного пространства сузилась с согласия испуганного общества. Национальные правительства вряд ли откажутся от этих новых полномочий, после того как пандемия утихнет.

Как показывает история, правительство США сохранило большую часть своих расширенных полномочий, которые оно обрело для противодействия террористической угрозе после ужасных терактов 11 сентября 2001 года. Таким образом, в условиях пандемии государства, вероятно, будут иметь больший контроль над населением и играть более важную роль в социально-экономических вопросах в течение многих лет в будущем. И этот контроль усилит их превосходство на мировой арене над другими глобальными структурами.

Неудивительно, что национальные правительства в качестве своей главной ответственности видят благополучие и безопасность собственного населения.

Их эгоистичные действия ещё раз продемонстрировали, что международное сообщество – это миф.

Такова вторая реальность, обнаруженная с помощью рентгеновского излучения *COVID-19*. Пандемия является одной из тех транснациональных проблем, наряду с международным терроризмом, распространением оружия массового уничтожения и изменением климата, решение которых, как долго учили нас глобалисты, требует международного сотрудничества. Ведь ни одна страна, какой бы могущественной и богатой она ни была, не способна самостоятельно справиться с такими вызовами.

Это похоже на правду. Но пока – и вряд ли ситуация скоро изменится – международное сотрудничество в вопросе борьбы с пандемией было минимальным. Общим девизом стало – «спасайся, кто может». Государства внезапно закрывали свои границы без предупреждения или консультаций с соседями. Они не спешили помогать другим странам с медикаментами и оборудованием, стремясь в первую очередь удовлетворить потребности своего населения. Такова была ситуация даже в Европейском союзе, который гордится совместной ответственностью и сотрудничеством. Германия,

как известно, в первые дни пандемии в марте отказалась оказывать Италии медицинскую помощь. Поиск противовирусных препаратов для лечения этой болезни и вакцины против неё теперь в основном осуществляется на национальном уровне или частным сектором. Недавние запоздалые усилия ЕС по сбору средств для этой цели не смогли привлечь ни американское, ни китайское или российское участие.

Международные организации тоже в значительной степени невидимы или игнорируются. Призыв Организации Объединённых Наций к всеобщему прекращению огня на время пандемии не был услышан. Китай отклонил просьбу Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) расследовать причины возникновения пандемии в Ухани на ранних стадиях кризиса. Впоследствии Соединённые Штаты прекратили финансирование ВОЗ, обвинив её в том, что она уступила давлению Китая.

Таким образом, пандемия не предвещает ничего хорошего международному сотрудничеству и в решении других транснациональных проблем. И это не должно удивлять. Пандемия может представлять угрозу для всех стран, но уровень угрозы варьируется от страны к стране. Некоторые государства, благодаря особенностям своей политики, имеющимся ресурсам или социальной сплочённости, лучше, чем другие, подготовлены к тому, чтобы справиться с вирусом. В мире растущей конкуренции, особенно среди великих держав, существует соблазн искать выгоду от так называемых конкурентных преимуществ в борьбе с пандемией. Некоторые страны активно распространяют дезинформацию, чтобы дезориентировать общественность и разжечь инакомыслие и беспорядки во враждебных государствах. То, что верно для *COVID-19*, верно и для всех других транснациональных проблем, включая изменение климата, которое так волнует сейчас Запад.

Это приводит нас к третьей реалии, раскрытой пандемией, – отсутствию настоящих мировых лидеров.

Не появилось ни одного лидера или группы лидеров, способных создать мощную коалицию против глобального бедствия, как, например, Черчилль, Рузвельт и Сталин во время Второй мировой войны против нацистской Германии.

Действительно, до сих пор лидеры ведущих мировых держав – американец Дональд Трамп, китаец Си Цзиньпин и русский Владимир Путин – сосредотачивались практически исключительно на своих собственных странах, причём вначале не обошлось без серьёзных ошибок.

Си скрыл серьёзность кризиса, лишив другие страны запаса времени, критически важного, чтобы подготовиться к натиску пандемии. Путин и Трамп заверяли свои страны, что они контролируют ситуацию, пока не стало очевидно, что это не так.

Предложения помощи, конечно, приветствуются, но они в основном продвигают национальные повестки дня и не предназначены для мобилизации поддержки глобального реагирования. Вместо укрепления сотрудничества США и Китай обострили соперничество, в то время как российско-американские отношения и так остаются конфронтационными.

Отсутствие подлинного международного сообщества и истинных мировых лидеров подчёркивает отсутствие универсального мирового порядка.

Вот четвёртое откровение рентгеновского снимка *COVID-19*. Усилия Америки по распространению либерального международного порядка, структурировавшего отношения после Второй мировой войны на Западе, на весь мир после окончания холодной войны потерпели неудачу. Этот порядок, основанный на либеральных принципах и якобы на верховенстве права, зависел от американской мощи, то есть от желания Америки применять силу и способности её эффективно использовать для обеспечения соблюдения правил в любой точке планеты. Возможно, был короткий период, так называемый однополярный момент в 1990-х и начале 2000-х годов, когда Соединённые Штаты приблизились к тому, чтобы сделать этот порядок действительно универсальным. Но этот момент исчез, когда Китай поднялся, а Россия вновь утвердилась на мировой арене. Пандемия лишь подчеркнула отступление Америки от мирового лидерства и отсутствие у неё достаточной силы для обеспечения либерального верховенства закона. Этот порядок может продолжать действовать на региональном уровне, например, в трансатлантическом сообществе, хотя презрение Трампа к европейским союзникам Америки подорвало даже этот проект. Однако в мире так и не сложилось единого, доминирующего, универсального порядка. Американские, китайские и русские концепции борются за последователей. И это скорее мировой беспорядок.

Короче говоря, *COVID-19* наиболее ярко показал, что мы живём в мире конкуренции великих держав. Безусловно, глобализация реальна. В последние десятилетия мир становился всё более взаимосвязанным, а транснациональные проблемы усиливались. Возможно, они должны подталкивать к международному сотрудничеству, но – по крайней мере, для великих держав – важнее всего национальная выгода. Пандемия не сделала ничего, чтобы изменить эту ситуацию; она только сделала её более наглядной.

Канчо Стойчев

Мы глупцы?

Дата публикации: 05.06.2020

Мы, люди, всегда гордились тем, что наше главное отличие и преимущество, ведущее к превосходству над животным миром, заложено в наших головах, а не в наших телах. Наша причинная рациональность делает нас теми, кто мы есть. Мы – это наш разум, мы – это наши убеждения, мы – время и пространство, мы виртуальны, мы духовны.

COVID-19, или новая старая атипичная пневмония, полностью перечёркивает всё вышесказанное. Теперь мы всего лишь тела, мы являемся хранителями наших тел и особенно конкретного тела – нашего собственного. Моё тело – моя крепость, но моя крепость уже не моя – она принадлежит доктору. Не конкретному – коллективному, глобальному. В истории шаман всегда был конкретным человеком, теперь это гильдия. И, когда гильдия имеет право защищать культ, мы обычно имеем дело с феноменом религии.

С формальной точки зрения пандемии *COVID-19* ещё не существует – для этого по крайней мере 350 миллионов человек во всём мире должны были бы иметь одну и ту же болезнь. Мы безнадежно далеки от этого.

В стране, где я родился, определение эпидемического состояния подразумевает 20 тысяч больных граждан на миллион или около 150 тысяч в целом, а сейчас мы выходим из чрезвычайной ситуации с менее чем тремя тысячами положительных результатов тестирования (что, кстати, не означает три тысячи случаев болезни). В Болгарии за последние три месяца умершими от *COVID-19* были объявлены около 100 человек. Поскольку эта цифра настолько мала, легко проверить каждый отдельный случай. И такая проверка выявляет замечательный факт – около 60% из этих людей имели прогрессирующий рак, ещё 20% страдали тяжёлой стадией диабета, а все остальные имели либо тяжёлые респираторные проблемы, либо любые другие тяжёлые хронические проблемы. Единственный критерий, позволяющий объединить всех этих мёртвых людей в одну группу, – это то, что у них был положительный тест на *COVID-19*. Или, «возможно, был», если принять во внимание точность различных тестов, доступных на рынке.

Не спешите, пожалуйста, делать выводы – я не из тех чудовищ, которые утверждают, что *COVID-19* не существует. Он определённо есть. Более того, коронавирусы существовали всегда. Если и есть что-то новое, то это наша реакция. Налицо замена здравого смысла страхом и паникой.

Страх и паника являются основными характеристиками Потребителя – первого человека, чья личность происходит из будущего. Этот исторический персонаж возникает благодаря концепции и практике общества всеобщего благосостояния. Он обладает так называемым располагаемым доходом – определённой суммой денег в месяц, превышающей то, что в основном необходимо для продолжения его деятельности в качестве непосредственного продавца своей трудовой силы. Это делает его квазикапиталистом (гораздо лучшая позиция, чем сам капиталист – нет необходимости нести ответственность за постоянный рост экономики, который поддерживает систему). Потребитель несёт ответственность только за свой будущий выбор. Его сила безгранична, потому что именно эта сила движет ростом капитала. Это историческое существо всегда хочет жить лучше, чем живёт, и единственным пределом в его абсурдном стремлении является оболочка его тела. Так тело становится целью, высшей сущностью жизни.

Свобода становится ненужной, потому что она – проявление сознания. Рациональность исчезает, потому что смерть не рациональна. Здоровье становится физическим, а не духовным состоянием. Врачи становятся волшебниками и конечными хранителями истины, потому что они являются ответственными за наши тела.

Рождается новая религия – религия тела. Она требует постоянного страха и паники: из-за воды, которую мы пьём, из-за еды, которую мы едим, из-за воздуха, которым мы дышим, из-за климата, из-за озоновой дыры (которая, кстати, незаметно исчезла), из-за нашей половой принадлежности.

Как исследователь глобального массового сознания я всегда сомневался в реальном существовании предмета собственных исследований. В последние два месяца я успокоился – он существует. *COVID-19* является тому доказательством.

Gallup International Association (президентом которой я сейчас являюсь) инициировала и провела первое глобальное исследование восприятия *COVID-19* в массовом сознании. Вкратце мы выяснили примерно следующее:

- повсеместно 80% респондентов паникуют;
- повсеместно 80% респондентов любят своё правительство;
- повсеместно 80% респондентов готовы отказаться от своей свободы;
- повсеместно 80% респондентов в той или иной степени перестали работать.

Смутные и странные мысли, высказанные выше, возникли у меня благодаря именно этим результатам. Я не претендую на то, чтобы делать выводы. Будет достаточно, если мне удастся сформулировать вопросы.

Станем ли мы двадцать второй цивилизацией, которая разрушит себя, как это фундаментально продемонстрировал Тойнби на примерах предыдущих двадцати одной?

Хотим ли мы «усовершенствовать» науку до религии?

Неужели мы настолько наивны, чтобы полагать, что мы способны стереть все вирусы с лица нашей планеты?

Собираемся ли мы привлечь наших избранных (или не очень) лидеров к ответственности за те абсолютно неконституционные меры, которые они применяли? Нужны ли нам паникующие элиты вообще?

Приносит ли личное желание быть избранным какую-либо пользу обществу в кризисный момент?

Готовы ли мы позволить решать вопросы жизни и смерти людям, которые советовали нам (точнее – заставляли нас) не ходить гулять в парки и горы и не ездить на личном автомобиле в соседний город, в то время как метро продолжало работать?

Людям, которые прекратили или отложили регулярное медицинское обслуживание для всех тех из нас, у кого есть серьёзное заболевание?

Людям, которые закрыли наш бизнес без надлежащей (или хоть какой-либо) компенсации?

Людам, которые круглосуточно создают массовую панику и глубоко вредят нашей психике?

Неужели мы настолько глупы, чтобы принять ложную дилемму – такую, как «здоровье или экономика»?

Тысячи лет назад классик китайской философии заметил, что глупец – это человек, который не может увидеть разницу между малым и большим. Мы глупцы?

Андрей Сушенцов

Война никогда не меняется. Почему пандемия не влияет на международные конфликты

Дата публикации: 23.06.2020

На первые полосы мировых СМИ вернулись международные кризисы. Разгорается гражданская война в Ливии с участием внешних сил. На границе Индии и Китая усиливаются группировки войск. США предприняли неудачную попытку свержения правительства в Венесуэле. Растёт количество жертв конфликта в Сирии, вновь обострился кризис в Донбассе. И всё это происходит в разгар пандемии коронавируса нового типа.

Война – это способ разрешения глубоких противоречий, в которых затронуты жизненно важные интересы сторон. Нарушение таких интересов чаще всего несовместимо с жизнеспособностью или устойчивым развитием государств. Эти интересы настолько важны, что правительства выбирают последний по целесообразности способ разрешения противоречий – с помощью военной силы.

Исторически доказано, что войны – это долго, дорого и неопределённо. Метафоры китайского философа Сунь-Цзы из его классического трактата «Искусство войны» сохраняют свою непреходящую актуальность: «Самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска». Отличие этих видов борьбы, согласно Сунь-Цзы, состоит в одном – из всех видов борьбы «нет ничего труднее, чем борьба на войне».

Тем не менее война продолжает существовать и не меняется как феномен. И хотя вероятность большой войны по аналогии с мировыми кризисами XX века мала в силу своей катастрофичности и глубокой взаимосвязанности современного мира, региональные и локальные конфликты по-прежнему процветают, а оборонные бюджеты стран год от года ставят новые рекорды.

Пандемия 2020 года остановила многие мировые процессы. Наибольшее торможение переживают экономика, общественная, культурная, спортивная жизнь большинства стран. Но не международные конфликты. С чем это связано?

На лестнице государственных потребностей – если сравнить её с иерархией человеческих потребностей, о которой писал американский психолог Абрахам Маслоу, – физическая безопасность и суверенитет являются основополагающими. Если остальными потребностями страны могут пожертвовать, то только не безопасностью, ради сохранения которой они будут готовы пожертвовать любые ресурсы.

Можно возразить, что в основе многих современных конфликтов лежит вовсе не столкновение жизненных интересов. Так ли остро США нуждаются в смене режима в Венесуэле? Особенно в свете множественных внутренних конфликтов, которые они переживают сейчас. Гражданская война в Ливии определённо не стоит в перечне ключевых приоритетов для России, США и Турции. И тем не менее конкуренция внешних сил в этой стране не ослабевает.

Дело в том, что страны по-разному осознают свою потребность в безопасности. То обстоятельство, что даже в условиях пандемии страны не снижают активности участия в военных кризисах, говорит о том, что они воспринимают пандемию коронавируса как менее опасный вызов, чем ущерб своим геополитическим позициям со стороны конкурентов. Всё это в конечном счёте означает, что конфликт остаётся стержневым международным процессом.

Можно сделать вывод, что пандемия коронавируса не стала катастрофическим ударом, который потребовал объединения сил всего человечества. Кризис не заставил государства поставить своим первым приоритетом противодействие пандемии и отложить в сторону свои национальные интересы по защите безопасности и укреплению геополитических позиций. Это означает, что в своих общих чертах мир остаётся прежним. Обострение современных международных конфликтов говорит о том, что ведущие страны – прежде всего США, Россия, Китай – рассчитывают на скорое возвращение к «нормальности». И видят они её в классической междержавной конкуренции, к которой мир приступил задолго до пандемии.

Жак Сапир

Этика, политика и трагедия локдауна

Дата публикации: 24.06.2020

Опыт карантина и локдауна глубоко затронет образ жизни людей в разных странах мира. На фоне эпидемии *COVID-19* стратегия локдауна широко использовалась в Европе (за исключением Швеции и Белоруссии). В Азии она применялась меньше, но использовалась на региональной основе в Китае. То же самое относится к Африке и Америке. Неужели мы, как некоторые утверждают, решили пожертвовать своими личными свободами и экономикой, чтобы спасти наиболее уязвимых из нас?

Франсуа Ленгле, экономический обозреватель популярных во Франции телеканалов *TF-1* и *LCI*, даже утверждал, что локдаун привёл к сохранению жизни богатых пожилых людей за счёт работающей бедноты, которая гораздо более уязвима для экономических последствий стратегии сдерживания. Итак, являются ли действия правительств, которые приняли решение ограничить деятельность населения, своего рода формой этического выбора в пользу богатых против бедных?

Эта идея этического выбора интересна. Но верна ли она? Решение об использовании всеобщего локдауна больше похоже на стратегию, за которую власти схватились от отчаяния, не справившись с текущими событиями. Именно это мы видели во Франции, Италии и Испании. Случай Франции интересен тем, что в первой декаде марта правительство и президент по-прежнему выступали с обнадеживающими заявлениями. Таким образом, вечером 6 марта, когда во Франции уже было обнаружено 613 случаев коронавируса, число которых удваивалось каждые 3 дня, г-н Макрон призвал французов не волноваться на том основании, что «нет причин менять наши привычки». 12 марта г-н Макрон подтвердил, что, «по мнению учёных», ничто не может помешать французам, «даже самым уязвимым», пойти на избирательные участки на первый тур муниципальных выборов. Затем, 16 марта, в своём телевизионном обращении он уже говорил о «войне» против вируса и объявлял об общем локдауне. Конечно, не хватало масок, водно-спиртового геля, респираторов, кроватей в отделениях интенсивной терапии...

В Италии и Испании правительства запаниковали из-за катастрофического развития эпидемии в Ломбардии и Каталонии. В связи со всем вышесказанным можно прийти к выводу, что за решением о введении карантина стоит обычный страх. В случае Франции это был страх быть обвинённым в халатности (он воплотился в угрозы уголовного преследования после многочисленных жалоб); страх, связанный с тем, что правительство столкнулось с болезнью, реальная летальность которой в начале марта ещё была плохо понятна; наконец, страх, что иностранцы воспримут происходящее в стране как хаос.

Всё это делает выбор не этическим, а политическим, причём обосновать его политики могут с трудом.

Этот политический выбор необязательно был неоправданным. Профессор Дидье Рауль в своём интервью *LCI* 26 мая привёл интересный тезис. Отметив свои научные сомнения в отношении эффективности стратегии локдауна, он пояснил, что существует большая разница между «карантином», то есть локдауном, и политикой «лазарета» (когда только больные помещены в изоляцию). Он даёт политическую интерпретацию локдауна, объясняя его нарастанием паники среди населения и властей, и видит в нём меру, которая, будучи неэффективной с медицинской точки зрения, позволяет бороться с паникой и ограничить число летальных исходов, которые эта паника наверняка будет провоцировать. Такой аргумент

заслуживает внимания. Он демонстрирует стратегическое, а не техническое или тактическое видение эпидемии. Пока неизвестно, был ли этот подход основным. Но что решение было политическим, а не этическим, очевидно.

Это решение имело свою цену. Начнём с экономической цены. Она будет значительной. Локдаун и его последствия вызвали серьёзный экономический кризис. Во Франции падение ВВП в 2020 году составит от 10% до 12%. В Италии и Испании этот показатель, безусловно, дойдёт до 10%, а в России, возможно, до 6%. Впрочем, экономический кризис является лишь одним из аспектов цены локдауна.

Существуют также человеческие издержки, которые будет трудно измерить. Локдаун, призванный защищать людей, также убивает. Он убивает пожилых людей, которые отрезаны от своих семей, социальных связей и умирают от отчаяния. Он также убивает много молодых людей из рабочего класса, которые, будучи отрезанными от своего социального окружения, впали в алкоголизм или наркоманию. Локдаун убивает хрупких, депрессивных или аутичных людей. Он также порождает убийственный взрыв семейного насилия, ибо люди вынуждены долгое время существовать в ограниченном пространстве. Немногочисленные имеющиеся данные показывают, что насилие в отношении детей увеличилось на 90%, а насилие в отношении женщин – почти на 100%.

Эти человеческие издержки будут преследовать нас вплоть до отмены локдауна или даже до начала следующего года, что затрудняет сбор надёжных статистических данных. Но нет сомнений, что ущерб будет высоким.

Знали ли власти об этом до принятия решения о локдауне? Здесь мы должны ответить отрицательно. Потому что не было проведено широко-масштабного эксперимента, который позволил бы пролить свет на все последствия относительно длительного карантина.

С другой стороны, человеческие издержки кризиса, вызванного локдауном, можно было спрогнозировать. Мы знаем, что любой резкий рост безработицы вызывает резкий рост прямой смертности (самоубийства), но также и косвенную смертность (рост заболеваемости из-за обнищания части населения). Всё это было известно из исследований врачей

и социологов. Кажется немыслимым (хотя, увы, не совсем невозможным), что правительства не осознавали, что локдаун грозит экономической катастрофой.

Поэтому власти, вероятно, оказались перед выбором: либо позволить болезни забрать какое-то количество жизней, что привело бы к судебным процессам и к обвинениям в неспособности адекватно отреагировать на пандемию, либо принять меры, которые тоже приведут к смертям – но таким, к каким общества более или менее привыкли. Это циничный выбор, но очень политический.

Факт остаётся фактом: этот выбор подчёркивает как предрасположенность так называемого демократического правительства к посягательству на общественные свободы, так и вопиющую неподготовленность Франции и других европейских стран к риску эпидемии.

Эта неподготовленность любопытна, если не сказать большего. После эпидемии атипичной пневмонии (2002–2004 годы) во Франции было проведено множество исследований. Учёные, включая вышеупомянутого профессора Дидье Рауля, обладателя премии *INSERM* 2010 года и одного из наиболее цитируемых французских исследователей, предупреждали власти о риске, связанном с новой подобной эпидемией. Подготовка к таким кризисам велась до 2010–2012 годов. Но вскоре это перестало интересовать власти и финансирование иссякло. Интересный вопрос – почему?

Почему структура, которая должна была отслеживать риск эпидемии, была расформирована? Почему запасы, достаточные в 2010 году, постепенно сократились до такой степени, что генеральный директор Министерства здравоохранения профессор Жером Саломон отдельно указывал на это в 2017 году? Почему, столкнувшись с неготовностью правительства что-то с этим делать, он не подал в отставку?

Похоже, что в области национальной безопасности финансовые соображения превалировали над стратегическими до такой степени, что государство оказалось беспомощным и не имело другого выбора, кроме как установить локдаун со всеми вытекающими из этого последствиями. И это, безусловно, поднимает этические вопросы, помимо политических.

Дмитрий Полетаев

Глобальная мигрантофобия: как избежать войны всех против всех?

Дата публикации: 24.06.2020

Из-за пандемии коронавируса во многих странах мира у мигрантофобии открылось «новое дыхание». Формальной причиной для глобальной волны публичных проявлений мигрантофобии называют *COVID-19*, но все проявления нетерпимости к «чужим» и «иным», именуемым сейчас «виновниками распространения инфекции», существовали и до вируса. Теперь старые фобии – ксенофобия и мигрантофобия – распространяются вместе с инфекцией. Их публичные проявления становятся более частыми и резкими.

В различных странах мира, в том числе в Великобритании, Греции, Германии, Италии, Испании, США и Франции, появились антимигрантские, антисемитские, ксенофобские и радикальные националистические лозунги, поддерживаемые отдельными политическими партиями и объединениями, сопровождаемые нападениями на беженцев и иностранцев. Мигрантофобия также проявилась в антикитайских настроениях, которые в период пандемии демонстрировали СМИ, население принимающих мигрантов стран и чиновники высшего уровня. В ответ на это китайцы в соцсетях начали делиться личными историями с хештегом #JeNeSuisPasUnVirus («Я не вирус»). Антикитайские настроения и синофобия имеют сложную природу, но и они сформированы на основе давних фобий, подкреплённых внешнеполитическим и экономическим соперничеством и подпитанными сегодняшними страхами пандемии.

Так как в связи с *COVID-19* мигрантофобия, расизм и ксенофобия, особенно в отношении иностранцев и выходцев из Азии, нарастают во всём мире, главы международных организаций и межстрановых объединений, общественные деятели и правозащитные организации заявляют о недопустимости дальнейшей эскалации ненависти и о необходимости противодействия ей. Так, генеральный секретарь ООН Антониу

Гутерриш призвал государства «безотлагательно принять меры для укрепления иммунитета наших обществ к вирусу ненависти». Высшее руководство ЕС, понимая опасность новой волны мигрантофобии, подчёркивает позитивную роль мигрантов в экономическом и историческом развитии Европы, а Human Rights Watch продвигает идею разработки новых национальных планов действий в связи с пандемией на основе уже разработанных ООН механизмов, таких, как руководство для борьбы с расовой дискриминацией Управления Верховного комиссара ООН по правам человека. Но пока усиление противодействия мигрантофобии на солидарной и комплексной основе идёт медленно и вряд ли входит в число приоритетных задач для мирового сообщества.

Ещё накануне пандемии мигрантофобия в России имела потенциал для роста, но в условиях, когда россияне начали массово терять работу, этот потенциал начал реализовываться. По прогнозам экспертов и российских чиновников высшего уровня, количество безработных в России, рассчитанное по методике Международной организации труда, может вырасти от 5 миллионов человек до 9 миллионов человек. Без работы осталось значительное число как российских, так и иностранных граждан, не имеющих возможности выехать из России из-за закрытых границ (на конец мая 2020 года – к моменту написания этой статьи – дело обстоит именно так). При экономических кризисах трудовых мигрантов традиционно рассматривают как конкурентов за рабочие места, и, хотя это справедливо лишь с большими оговорками и в основном для граждан, имеющих низкий уровень квалификации, уже сейчас этот тезис активно используется политиками-популистами.

В России пандемия изменила и отношение к москвичам, точнее к их присутствию в любом другом регионе, кроме Москвы. Москвич теперь – не просто раздражающий фактор, он – потенциальный разносчик коронавирусной «заразы», прямая опасность и новый объект для мигрантофобии. Неприязнь к москвичам имеет давнюю историю и основана на региональном неравенстве в уровне и качестве жизни, сохранившемся со времён СССР. При этом понятно, что наибольшее количество заражённых коронавирусом в Москве стало следствием неготовности системы здравоохранения к пандемии и высокой плотности проживания, наложившихся на экспорт инфекции из-за частых зарубежных поездок наиболее обеспеченных москвичей, а также большого транзитного потока иностранцев из стран, где уже распространился коронавирус.

В ближайшие годы рост мигрантофобии и ксенофобии в России вряд ли приведёт к масштабным конфликтам на национальной почве, но рост

популярности среди части россиян политических партий и движений, использующих антимигрантскую риторику, можно прогнозировать уже сейчас. В России пока не создано комплексной системы интеграции мигрантов, хотя и существуют отдельные её элементы (бесплатное обучение детей мигрантов в общеобразовательных государственных школах, бесплатная экстренная медицинская помощь для иностранцев и бесплатные роды для иностранок). Следствием отсутствия системы интеграции, а также взаимного выстраивания мигрантами и российским обществом «стеклянных стен» отчуждения вместо взаимовыгодного взаимодействия является стабильный уровень мигрантофобии. Миграция при этом воспринимается не как ресурс развития, имеющий свои плюсы (которых больше) и минусы (которые можно минимизировать), а как серьёзный вызов для национальной безопасности. В таких условиях при изменении экономической конъюнктуры, политических потрясениях или в ситуациях форс-мажора, к которым относится и пандемия коронавируса, постоянно наблюдаются всплески мигрантофобии.

В мировой практике государств, наиболее привлекательных для мигрантов, подход к миграции как к ресурсу развития старались сочетать с комплексным подходом по минимизации негативных эффектов миграции, в том числе имеющим важным приоритетом интеграцию мигрантов, значительно снижающую уровень мигрантофобии в принимающих сообществах. И даже при таком подходе мигрантофобию как явление не удалось до конца изжить, хотя её негативные последствия удавалось значительно сгладить и нивелировать. Для такой работы активно привлекались не только государственные структуры, имевшие бюджетное финансирование, но и гражданское общество, стимулировавшееся значительными финансовыми средствами, которые распределялись на конкурсной основе частными и государственными фондами и организациями, а также учреждения культуры и искусства, получающие значительную государственную и частную финансовую поддержку. Видится, что именно этот подход давал долгосрочные и устойчивые результаты по укреплению единства и добрососедства в государствах, привлекательных для мигрантов.

К сожалению, пандемия показала, что, несмотря на все предпринимаемые меры, мигрантофобия и в тех странах, которые последовательно её изживают, и в тех странах, где решение этой проблемы не является приоритетом, способна быстро возрасти, стать надёжной спутницей набирающих популярность политиков-популистов. Время покажет, смогут ли международные институты, межгосударственные объединения и сами государства «не одичать в “осыпающемся мире”» или мигрантофобия станет одной из составляющих новой «войны всех против всех», где каждый сам за себя.

Кристоф ван Агт

Зелёная энергия и восстановление экономики после пандемии

Дата публикации: 08.07.2020

«Новая» норма

В мировой экономике, и без того хрупкой, бушует коронавирус COVID-19. Грандиозные надежды на её восстановление лишь маскируют тот факт, что простор для манёвра крайне ограничен. Финансовый баланс и общественное доверие, утраченные в ходе предыдущих кризисов, ещё нужно восстановить. Отсутствует норма, от которой можно было бы оттолкнуться. Нет нормы, к которой можно было бы вернуться, отчего только усиливается чувство незащищённости. Как следствие, ещё более контрастно высвечиваются глобальные проблемы вроде усугубляющегося социального расслоения или изменения климата. Кризис не породил новых тенденций, а лишь ускорил развитие существующих.

При виде такой динамики возникают два вопроса. Во-первых, поможет ли подъём экономики преодолеть расколы и разрядить напряжённость в мире благодаря укреплению международной солидарности и росту сотрудничества? И, во-вторых, сможет ли мир ускоренными темпами обеспечить всеобщий доступ к энергоносителям и не влияющий на климат рост, как это предусмотрено Целями ООН в области устойчивого развития, Парижским соглашением, а также стратегиями «зелёного роста» и полного прекращения выбросов в атмосферу? Ответ на второй вопрос почти полностью зависит от того, как будет решён первый.

Предварительные оценки

За время пандемии умерло полмиллиона человек. Рабочие часы во всём мире сократились более, чем на 10 процентов, что равняется потере 305 миллионов полноценных рабочих мест. Падение доходов превосходит

урон, нанесённый любой из предыдущих рецессий за последние сто лет, исключая потери военного времени. В мире, где 1,3 миллиарда человек не имеют доступа к современным энергоуслугам, 2,5 миллиарда не имеют возможности пить чистую воду, 800 миллионов живут в крайней нищете, а один из каждых девяти голодает, неизбежно должны обостриться поколенческие, гендерные, имущественные и прочие разногласия. Более всего затронут кризисом теневой сектор экономики. Молодые неквалифицированные работники рискуют остаться без работы на продолжительное время, а число голодающих к концу этого года может достичь 265 миллионов, по данным ООН.

Но пандемия *COVID-19* принесла с собой не только смерти и потерю средств к существованию. Её разрушительные последствия превосходят всё, что десятилетие назад успел натворить мировой финансовый кризис. Темпы роста мировой экономики в 2020 году снизятся до -4,9 процента. С таким прогнозом выступил МВФ, который ещё в январе этого года предсказывал рост в 3,3 процента, но с тех пор уже второй раз сильно снижает прогноз. Более того, волатильность рынка серьёзно превосходит прошлые эпизоды, что характеризует степень расстройств экономики. Рыночные игроки продолжают сдавать позицию за позицией, кратковременные всплески активности говорят лишь о том, что до полного выздоровления ещё очень далеко. Ключевую роль продолжают играть центральные банки и финансовые рынки, деятельность которых на время необычайного замедления экономики заключается в поддержании ликвидности и перераспределении рисков.

По мере углубления кризиса и поступления новых данных растёт необходимость в быстрых и решительных действиях со стороны государств и крупных рыночных игроков по восстановлению рыночного баланса и подготовке мощного и продолжительного подъёма мировой экономики в интересах всех сторон. Для устранения последствий кризиса и поддержания заинтересованности в зрелой и растущей экономике необходимо укрепить солидарность и взаимодействие, особенно ввиду того, что медленное восстановление будет иметь долгосрочные последствия, которые, вместо того, чтобы покончить с неравенством и напряжённостью во всём мире, только усугубят разногласия.

Растущая неопределённость оказывает разрушительное воздействие на уверенность в успехе и самосознание тех, кому предстоит мобилизовать инвестиции и заняться расширением торговли ради обеспечения устойчивого подъёма экономики. Ведь только в энергетическом секторе, согласно текущим оценкам, которые непрерывно меняются, потери составляют около

400 миллиардов долларов США. Большая часть потерь приходится на долю углеводородных рынков, но пострадала вся энергетика и для её восстановления потребуется время. Государственная поддержка и выигрыш от снижения издержек при использовании солнечных и ветряных технологий могут способствовать росту производства экологически чистой энергии. Выработка энергии на основе возобновляемых источников будет расширяться, однако вряд ли экономический эффект от их эксплуатации оправдает те ожидания, которые с ними связывались в более ранний период. В последние два года капиталовложения во все технологии с нулевыми выбросами и в импульсную энергетику стабилизировались на уровне 360 и 260 миллионов долларов США соответственно. Нарастанию установленной генерирующей мощности будет способствовать резкое сокращение издержек на технологии использования солнечной и ветровой энергии в сочетании со стратегиями зелёного роста. Однако, чтобы повысить связность систем и стабилизировать рынок, потребуется увеличить инвестиции в инфраструктуру и умные сети. Объём капиталовложений в углеводородную и атомную энергетику значительно сократился ещё до пандемии. Именно здесь нам предстоит сообща проделать наиболее трудную часть работы по созданию условий для безопасного осуществления поставок и обеспечению устойчивого восстановления экономики.

Источники энергии, не выделяющие парниковых газов, включая крупные гидроэлектростанции и атомные электростанции, обеспечивают значительную часть мирового потребления первичной энергии. За прошедшие десятилетия их вклад в удовлетворение мирового спроса резко возрос, достигнув примерно 20 процентов. Ожидается, что к 2040 году он составит около 40 процентов. Однако так будет, если осуществляются крупномасштабные преобразования, прописанные в «Сценарии устойчивого развития», который был опубликован Международным энергетическим агентством (МЭА) в ноябре 2019 года, незадолго до начала пандемии коронавируса. Между тем инвестиции в возобновляемые источники энергии в объёме 50 миллиардов долларов были отложены из-за карантинных ограничений и проблем с цепочками поставок. В оживающих государственном и частном секторах экономики разворачивается острая конкурентная борьба за свободные средства, и если не будут предприняты более энергичные и целенаправленные усилия, то объём инвестиций так и не достигнет прежних рекордных уровней.

Глубокое, но временное падение спроса на энергоносители даёт нам, однако, общее представление о том, каким будет мир в эпоху устойчивого развития. В апреле выбросы углекислого газа в атмосферу в нескольких

крупных городах сократились на 17 процентов, а серы и оксидов азота – на 30–50 процентов, благодаря чему значительно улучшились качество воздуха и условия жизни. Но социально-экономическая цена такого устойчивого развития запредельно высока и, само собой, неприемлема. В сущности, кризис показал, какая это нелёгкая задача – сокращать выбросы в атмосферу даже тогда, когда мир временно замирает в чрезвычайных обстоятельствах всемирной пандемии.

Нам нужно всем вместе задуматься, как восстановить равновесие в мире и достигнуть устойчивого роста на пути к экономическому выздоровлению. Ключевую роль в этих усилиях должны играть развитие диалога, фокусирующегося на технологических решениях и системной интеграции, а не только на источниках энергии, а также повышение прозрачности в области качества топлива, углеродоёмкости и выбросов. Особенно важны три следующих факта:

1. Мы не сомневаемся, что в мире, в конце концов, возобновится здоровый рост. В краткосрочных прогнозах состояния рынка, представленных МЭА и ОПЕК, предусматривается относительно быстрый возврат к докризисному уровню спроса в районе 97 миллионов баррелей уже в 2021 году, а долгосрочные тенденции спроса остаются в целом неизменными.
2. В то же время необходимо удерживать глобальное потепление в приемлемых рамках (1,5–2 градуса по шкале Цельсия) и обеспечивать здоровые и желаемые условия жизни в быстро урбанизирующемся мире. А для этого нужно контролировать выбросы парниковых газов и других загрязняющих веществ, в том числе метана.
3. Хотя темпы спроса на углеводороды в ближайшее десятилетие могут снизиться, структурное снижение спроса произойдёт вряд ли. Это связано с расширением экономики, вызванным тем же ростом населения, который порождает социальный запрос на новаторские и справедливые энергетические решения.

Единственный способ примирить эти три тенденции – это признать, что устойчивое развитие в форме сокращения потребления углеводородов и роста использования возобновляемых источников энергии не позволит нам достичь поставленных целей в сроки, обозначенные в Парижском соглашении и в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Повышение эффективности и устойчивости спроса и предложения на энергетическом рынке посредством регулирования, стимулирования

и инноваций должно быть приоритетней по сравнению с технологическими решениями, связанными с инвестициями в «зелёное развитие».

Использование потенциала производителей и потребителей для интеграции новых и существующих технологий позволяет всем сторонам более успешно контролировать выбросы парниковых газов и загрязняющих веществ и в то же время получить доступ к современным энергетическим услугам. Сюда входят, в числе прочего, возможности, заключённые в большей эффективности использования энергоносителей и возобновляемых источников энергии, интеграции молекулярных и электронных энергетических систем в водородной экономике, а также в использовании и хранении улавливаемого углерода. Возможна и выгодная утилизация веществ, выбрасываемых в атмосферу. Они применяются для выработки химических веществ, повышения нефтеотдачи, абсорбции диоксида углерода из атмосферы посредством минерализации или прямого улавливания из воздуха.

В энергетическом секторе уже начались преобразования. Однако в разных странах они протекают по-разному в зависимости от местных экономических условий, наличия конкурентных преимуществ, политических приоритетов, деловых стратегий и предпочтений потребителей. Во избежание распыления усилий и ограничения рыночных возможностей здесь необходимо укреплять международное сотрудничество. Более предсказуемая среда для инвестиций, торговли и передачи технологий образуется на основе выработки системных решений и моделей, подсказанных новыми технологиями и инновациями и используемых в проверенных механизмах открытого рынка и управления. Это помогает снижать рыночные барьеры и расходы переходного периода в отношениях между развитыми и развивающимися экономиками. Когда траектории перехода основываются на объединении усилий всех участвующих, инвестирование и торговля приобретают масштаб и скорость, которых требует более совершенное эколого-социальное управление.

Выводы

Пандемия предоставляет нам шанс укрепить сотрудничество и обрести новые возможности освоения рынков, ресурсов и технологий, обеспечивающих более устойчивый рост. Условиями быстрого и энергичного восстановления экономики, позволяющего рассчитывать на более устойчивое и безопасное будущее, являются укрепление солидарности и творческого мышления во всех странах, секторах экономики и отраслях знания.

Государственно-отраслевые партнёрства могут опираться на существующие сети и пользоваться ростом предложения и конкуренции, чтобы делать упор на требования к чистоте воздуха и на экологичные энергетические решения, расширяющие доступ к энергии в рамках постпандемических стратегий восстановления экономики.

Однако экономическое стимулирование не должно приводить к введению протекционистских мер или к изоляционизму в финансовой и технологической сферах. Напротив, оно должно обеспечивать ситуацию, при которой рынки по-прежнему будут хорошо регулироваться в соответствии с предсказуемыми рыночными механизмами и устоявшимися принципами климатической и энергетической политики.

В их число входит международное сотрудничество по энергетическим и климатическим аспектам стратегий восстановления экономики и использование возможностей международных энергетических компаний и энергоёмких отраслей промышленности, некоторые из которых заявили о намерении сократить выбросы в атмосферу до нуля.

Крупные участники рынка, сотрудничающие с правительствами крупнейших экономик, приложат дополнительные усилия для ускорения интеграции возобновляемых источников энергии, технологий получения газа сухой перегонки, водородных технологий и технологий на основе углекислого газа, причём по приемлемой для общества цене.

Растущие экономики и мировая газовая промышленность имеют хорошие возможности для обеспечения устойчивого восстановления экономики. Североамериканский опыт сокращения выбросов свидетельствует о том, что переход на новое топливо могут ускорить газовые технологии, обеспечивающие экономичную и безотказную интеграцию энергетических систем, от которой будет зависеть устойчивость роста.

Последствия пандемии также предполагают более широкую коллективную оценку кризисных механизмов и механизмов реагирования на чрезвычайные ситуации в более динамичной среде, содержащей новые риски. Это подразумевает оценку жизнеспособности глобальных экономических цепочек поставки и воздействия нарастающих темпов электрификации на безопасность компьютерных систем.

Наконец, что удерживает человечество на плаву в условиях ограничений, налагаемых пандемией, так это несомненный триумф цифровизации.

Карантинные меры стали свидетельством того, что откат к желанной изоляции не способствует возникновению доверия, уверенности и более широкого взаимопонимания, необходимых для продвижения вперёд с нужной скоростью. Необходим слом реально существующих и воображаемых границ, а это достигается через личное общение. В конце концов, именно так образуются безопасные, устойчивые и преуспевающие общества. Личные контакты важны не менее, чем международные отношения. Оставим позади этот ужасный год. Решения, которые нужны всем нам, родятся в ходе непредвзятого исследования мира за пределами зон комфорта и офисных бункеров.

Франсин Меструм

Забота о всеобщем достоянии: с широко закрытыми глазами?

Дата публикации: 05.08.2020

Кризис коронавируса был опасным и чреват серьёзными последствиями. Но у него также есть позитивная сторона, по крайней мере для тех, кто готов смотреть на мир открытыми глазами. Этот кризис стал моментом истины.

После долгих лет или даже десятилетий неолиберальной политики с дерегулированием, приватизацией, частно-государственными партнёрствами и сокращением социальных расходов почти все национальные правительства оказались не готовы к борьбе с пандемией. Ещё хуже: они понятия не имели, что делать.

Во многих странах Западной Европы, одной из самых богатых частей мира, не оказалось масок для защиты работников здравоохранения, аппаратов ИВЛ для ухода за больными, защитной одежды для врачей. Во многих государственных больницах не хватало коек в отделениях интенсивной терапии, в то время как некоторые частные больницы вообще закрыли двери.

Хотя Всемирная организация здравоохранения и ряд национальных служб общественного здравоохранения давали чёткие указания относительно того, как подготовиться к пандемии и справиться с ней – после вспышек атипичной пневмонии, MERS, лихорадки чикунгунья и других, – министры и их сотрудники даже не знали этих рекомендаций.

В такой стране, как моя Бельгия, в сфере здравоохранения работают 7 (семь!) разных министров. Если кому-то требуется пример некомпетентности и невежества, то вот он налицо.

Капитализм не справляется

В то время как фондовые рынки продолжали процветать, реальная экономика рухнула, потому что при локдауне люди покупают только то, что им действительно необходимо.

Неоформленные работники, бездомные, беженцы, бедные и уязвимые слои населения потеряли свои доходы и могли рассчитывать только на благотворительность.

О стариках, живущих в домах престарелых, не заботились. Изрядная часть погибших в Западной Европе расстались с жизнью в учреждениях, которым они заплатили большие деньги за получение помощи и защиты.

Опять же, если нужны доказательства, чтобы показать, насколько непригодны наши экономические, социальные и политические системы для защиты людей, то они проявились в полной мере. Рынки не были готовы предоставить то, что обещали.

Общий интерес, общественный интерес

Что же тогда является позитивным фактором?

Во-первых, для тех, кто живёт с широко открытыми глазами, совершенно ясно, что здоровье – это не только индивидуальная забота, но и общий интерес. Вирусы живут в обществе, они не знают границ и не знают классов. Они могут поразить каждого незащищённого человека.

Во-вторых, построенный на получении прибыли рынок не может справиться с пандемией. Поскольку очевидно, что общественное здравоохранение должно быть на переднем крае, это противоречит цели получения прибыли частными медицинскими учреждениями. Роль государства или государственных органов снова становится решающей.

В-третьих, люди, которые поддерживают общество и заботятся о больных, должны занимать центральное место в нашем обществе: врачи, медсёстры, работники здравоохранения, а также водители общественного транспорта, кассиры в супермаркетах, уборщики мусора. Но именно у этих людей заработная плата и условия труда являются одними из худших. Они заслуживают лучшего.

В-четвёртых, если вакцина будет получена, она должна быть широкодоступной и недорогой. Другими словами, патенты следует считать глобальным общественным достоянием и они не должны присваиваться частным сектором.

Взаимозависимость

Есть и другие причины, по которым здоровье и здравоохранение должны рассматриваться как глобальные общественные блага. Здравоохранение является общей заботой, оно отвечает интересам всех, и мы здесь взаимозависимы.

Никто не может вылечить вирусное заболевание только в одной стране, надеясь, что оно никогда не перенесётся в соседнюю страну. Если чуме XIV века понадобилось несколько лет, чтобы добраться из Центральной Азии в Китай и Южную Европу, то сегодня это вопрос часов. Никто не может остановить это. Если одна страна не принимает необходимых мер, жертвами будут народы других стран.

То же самое касается экологических проблем. Уничтожение лесов Амазонки и вырубка лесов в целом имеют последствия для всех народов мира. Леса являются глобальным общественным достоянием.

Или подумайте о бедности. Даже если бедные лишь в редких случаях принадлежат к группам мигрантов, стремящихся к лучшей жизни, ясно, что отсутствие перспективы лучшего будущего является основной причиной,

по которой люди покидают свои дома и деревни, чтобы искать работу в далёкой стране. Благополучие – это глобальное общественное благо.

Та же самая взаимозависимость очевидна между секторами экономики. В контексте кризиса в области здравоохранения становится ясно, что жильё и водоснабжение – это тоже проблемы здравоохранения. Понятно, что химическая промышленность может стать проблемой для здоровья людей, также как сельское хозяйство и производство продуктов питания.

Это означает, что если кто-то намерен защитить здоровье людей, работая над профилактикой, то он не может смотреть только на врачей и больницы. Нужно принимать во внимание всю экономику, отношения власти и общества. Нет объективной причины, по которой вокруг так много уязвимых людей, которые всегда являются первыми жертвами любой проблемы, возникающей в обществе, будь то пандемия или изменение климата.

Всё это указывает на необходимость комплексного подхода, который может исходить только от органов государственной власти. Не стоит ожидать, что «свободный рынок» будет координировать все виды деятельности и даже получать от этого прибыль.

Здоровье и здравоохранение, таким образом, являются критически важными элементами, для заботы о которых должен быть принят целый ряд политических мер. Фактически это касается изменения всей социальной защиты в рамках всеобъемлющей и продуманной системы. Благодаря связи с защитой окружающей среды и несколькими экономическими секторами, она может быть действительно преобразующей.

То, что не могут сделать ориентированные на прибыль свободные рынки в плане координации широкого спектра отраслевых действий, могут сделать государственные органы. Но для этого необходимо, чтобы мы действительно рассматривали их как глобальные общественные блага и были готовы вести комплексную политику в нескольких секторах одновременно.

Институциональная структура

Есть и другие условия. Государства могут быть сторонниками общественных благ, только если они откажутся от характерной для последних десятилетий политики государственного управления. Они должны осознать свою роль защитников людей и общества. В свою очередь, международные организации должны быть не просто средством межправительственной координации, но глашатаями глобальных проблем – от здоровья до окружающей

среды, от морей и океанов до лесов и гор, от воды до природных ресурсов в целом.

В этом случае нам нужно осознать нашу взаимозависимость, взаимосвязанность наших проблем, необходимость всеобъемлющей и структурной политики и возрождение роли государств и международных организаций, готовых воплощать общие интересы.

Это означает институциональные изменения с приличным финансированием, а не зависимость от благотворительности. Это означает потенциал для мониторинга, сбора данных и готовности к решению глобальных проблем здравоохранения таких, как пандемии. Это означает управление с долгосрочным видением перспективы.

И это означает координацию между институтами из разных сфер – от здравоохранения до труда, торговли и заботы о женщинах и детях. Всё это взаимосвязано.

Прогрессивные общественные движения со всего мира должны добиваться этих изменений, работая вместе. Мы можем сколько угодно говорить о том, что необходимо сделать, но сейчас нужно также показать, что мы в состоянии сделать это.

Ричард Лахманн

Изменит ли COVID-19 государства?

Дата публикации: 17.09.2020

COVID-19 привёл к гигантскому увеличению государственных расходов, сравнимому разве что с военными временами. Правительства по всему миру оказывают поддержку работникам, которые не могут выходить на работу из-за карантина, и пытаются смягчить падение спроса, связанное с тем, что обычные граждане, опасаясь коронавируса, остаются дома, перестают путешествовать, делать покупки, ходить в рестораны, бары и театры.

Власти вкладывают средства в поиск вакцин, тратят миллиарды на учёных в государственных и университетских лабораториях, а также на контракты с частными фармацевтическими фирмами в надежде, что кто-нибудь из них разработает эффективное лекарство. Одновременно правительства оплачивают строительство заводов, которые должны быть готовы к массовому производству вакцин.

Способы реагирования государств на *COVID-19* отражают их возможности, идеологические пристрастия и способность капиталистов и других частных акторов влиять на решения правительств. Соединённые Штаты в этом отношении находятся на одном из полюсов. Хотя правительство США благодаря статусу доллара как мировой валюты имеет огромное преимущество и может тратить неограниченные суммы денег, потраченные триллионы в значительной степени оказываются потраченными зря. Выплаты по дополнительному страхованию от безработицы поддержали экономику, но прекратились с 31 июля. Ещё больше было предоставлено корпорациям в виде налоговых льгот, ссуд с нулевой процентной ставкой и субсидий на сохранение занятости. Однако большая часть щедрости, проявленной к капиталистам, в итоге лишь увеличивала спекуляции на рынках акций и облигаций, но не помогла простым работникам. А университеты, школы, правительства штатов и местные органы власти вообще мало что получили. Американцы сейчас сталкиваются с приближающимся банкротством многих университетов, транспортных систем, музеев и театров. Правительства штатов и местные органы власти будут вынуждены уволить миллионы своих сотрудников.

В странах с уже существующими системами поддержки доходов и более устойчивым государственным сектором рост безработицы и бедности был намного меньше, чем в США. США уникальны тем, что финансируют свои университеты, взимая со студентов плату за обучение, равную медианному доходу работника. Студенты финансируют расходы, беря в долг огромные суммы, которые им затем приходится выплачивать в течение десятилетий. Если студенты не будут посещать занятия, учебные заведения потеряют доходы, которые они получают от общежитий и столовых. Это вынуждает некоторые университеты уволить часть преподавателей и других сотрудников. Кроме того, в случае затяжной рецессии студенты не захотят брать на себя большие долги на оплату обучения. Эти обстоятельства могут обанкротить многие университеты и уже заставили их приостановить приём на работу, что оставит следующее поколение учёных без работы

и вынудит их уйти из науки. Это будет иметь серьёзные и негативные долгосрочные последствия для американских исследований в области естественных и гуманитарных наук.

В то время как мир ждёт разработки вакцины, которая может появиться где-нибудь в конце 2020 года, или на пару лет позже, или никогда (не стоит забывать, что вакцины от СПИДа всё ещё нет через сорок лет после открытия этой болезни), США, несмотря на то, что они тратят на здравоохранение больше, чем любая другая страна на Земле, не смогли обеспечить нормальное отслеживание контактов, ввести карантин и затем использовать тестирование на антитела для выявления тех, кто выздоровел. Эти меры, которые используются в Германии, Южной Корее, Тайване, Китае, Вьетнаме и других местах, смогли снизить уровень смертности и теперь могут позволить возобновить нормальную жизнь и работу.

США не сумели достичь ни одной из этих целей, потому что американская система здравоохранения организована таким образом, чтобы частные организации могли максимизировать свою прибыль. В результате отсутствует централизованная координация, а наиболее эффективные, но наименее прибыльные меры общественного здравоохранения не получают достаточно средств. Отслеживание контактов требует обучения и оплаты большого штата медицинских работников. Это невыгодно, а те немногие квалифицированные специалисты, которые выполняют эту задачу, работают на государственные и муниципальные службы здравоохранения или Центры по контролю за заболеваниями. У всех этих структур бюджеты сейчас меньше, чем десять лет назад.

Контраст между США и остальным миром наглядно демонстрирует значение сильного государства, способного достаточно быстро разрабатывать и внедрять меры общественного здравоохранения, чтобы замедлить и обратить вспять пандемию, а также предотвратить скатывание граждан в нищету. Это также показывает важность надёжной системы социального обеспечения, которая может отслеживать здоровье работников и беспрепятственно вмешиваться, чтобы обеспечить поддержку их доходов. Конечно, в странах, где здравоохранение является правом человека, граждане могут обращаться к врачам и в больницы при любом появлении симптомов, будучи уверенными, что они получат помощь, а не потерпят финансовый коллапс. В таких странах, как Германия, которые поддерживали избыток больничных коек, чтобы быть готовыми к чрезвычайным ситуациям, вроде нынешней пандемии, уровень смертности намного ниже, чем в Испании или США,

которые за десятилетия господства неолиберальной экономики закрывали больницы и сокращали количество коек, чтобы сэкономить деньги.

Народная поддержка неолиберализма всегда была ограниченной. Либерализация финансов и снижение налогов для богатых в сочетании с сокращением социальных пособий – это элитарные проекты. Люди во всём мире видят взаимосвязь между возможностями правительства и степенью, в которой они страдают от последствий *COVID-19* для здоровья и экономики.

Мы ещё не знаем, будет ли это понимание достаточно сильным, чтобы изменить политику правительств и открыть новую эру более напористых и дееспособных государств.

Если мы посмотрим на прошлое столетие, то увидим, что движущими силами прогрессивного налогообложения и расширения социальных пособий были войны и экономические катастрофы. Прогрессивные подоходные налоги и налоги на имущество были введены во время Первой мировой войны в странах, которые одновременно были демократическими и использовали призыв для пополнения своих армий. Эти налоги воспринимались как своего рода призыв для богатых, соответствующий призыву в армию мужчин рабочего класса. С окончанием призыва на военную службу в большинстве стран Европы и США в 1970-х годах налоговые ставки стали менее прогрессивными. Точно так же социальные пособия создавались и расширялись во время и сразу после двух мировых войн, не говоря уже о периоде Великой депрессии 1930-х годов. С тех пор пособия в лучшем случае оставались стабильными, а в некоторых странах, прежде всего, в США и Великобритании, их регулярно сокращали.

Пандемия вызывает экономические трудности, приближающиеся к уровню Великой депрессии в США, а смертность в США, Великобритании, Бразилии, Южной Африке, Бельгии и, вероятно, в ряде стран, которые не могут или не хотят подсчитывать количество погибших, находится на уровне, вдвое или более превышающем обычный. Это, конечно, не статистика военного времени, но большинство людей в мире никогда не сталкивались с повышенным уровнем смертности, и поэтому потери расстраивают, дезориентируют и вызывают панику.

Достаточно ли смертей и экономических трудностей для того, чтобы породить политическое давление, способное заставить власти принять новые социальные программы и финансировать их за счёт налогообложения богатых? Пока сложно сказать наверняка. Самым убедительным доказательством

того, что *COVID-19* изменит политику, является нынешняя деятельность правительств. Как я уже говорил выше, и правые, и левые политики быстро решили потратить беспрецедентные суммы на помощь безработным и расширить медицинское обслуживание. Неудачи стали результатом прошлых сокращений государственных расходов и инфраструктуры, что сделало потраченные деньги неэффективными. Пока что желание что-то сделать остаётся весьма сильным. Единственное исключение – республиканцы в США. При этом зачастую увеличить расходы требуют в том числе и капиталисты, осознающие, что, если спрос на товары и услуги со стороны обычных граждан упадёт, прибыль их фирм также рухнет.

С другой стороны, вполне вероятно, что богатые во всём мире пойдут по пути американских капиталистов и выступят против увеличения государственных расходов. Капиталисты всегда опасаются, что чрезмерные государственные расходы вызовут инфляцию и снизят стоимость их богатства. В конце концов кому-то придётся заплатить за программы по стимулированию экономики, и богатые боятся, что это будут они. Поэтому они вполне могут последовать примеру американских богачей и начать требовать прекращения помощи простым гражданам.

В итоге решающим фактором будет наличие или отсутствие массовой мобилизации. Страх смерти и отчаяние в связи с крахом экономической стабильности могут вызвать пассивность, и, возможно, что люди во всём мире согласятся со своим обнищанием. Однако даже до *COVID-19* существовал гнев по поводу радикально неравномерного распределения богатства и доходов. Недовольство вызывает и то, что финансисты обрушили в 2008 году мировую экономику, а затем получили помощь от правительства и никак не были наказаны за своё мошенничество.

Явно неравномерное бремя последствий *COVID-19* может спровоцировать не только пассивное отчаяние, но и массовый гнев. Мы ещё не знаем, куда этот гнев будет направлен. Мы видим, как правые махинаторы такие, как Трамп и Болсонару, пытаются направить его на иммигрантов и меньшинства и убедить своих сторонников в том, что вирус не настоящий или что он был изобретён в китайских лабораториях. Левые партии слабы, а социальные движения в основном дезорганизованы и сосредоточены на узких вопросах и «политике идентичности». Однако массовые и эффективные социальные движения часто возникают внезапно. Это даёт надежду, что *COVID-19* всё же создаст более сильные правительства, готовые перераспределять богатства и восстанавливать возможности государств служить своим гражданам.

Ван Вэнь

Компании укрепляются, страны слабеют

Дата публикации: 08.10.2020

Вспышка *COVID-19* разрушает привычную систему управления, международная структура власти становится ещё более фрагментированной, стратифицированной и регионализованной. Как я уже упоминал в своей предыдущей статье, эпоха глобализации, в которой доминировала одна страна или группа стран, подошла к концу. В международном порядке более не могут доминировать *G2*, *G7* или *G20*. Вместо этого на глобальные события на разных уровнях теперь влияет *n* различных сил, так сказать "*Gn*".

В *Gn* входят не только традиционные великие, но и региональные державы, международные организации, неправительственные учреждения, финансовые учреждения, транснациональные корпорации, лидеры общественного мнения, аналитические центры и СМИ. Всё это образует запутанную международную сеть, размывая глобальные авторитеты, ломая суверенитет и ослабляя традиционную политическую структуру. Глобализация представляет собой более сложную ситуацию, чем в прошлом. Наиболее важным фактором является рост транснациональных компаний.

Возвышение «Компании», вероятно, было оборотной стороной ужаса и негатива последних восьми месяцев. Эпидемия *COVID-19* вызвала на сегодняшний момент более 35 миллионов заражений и 1 миллиона смертей. Правительства всех государств находятся под огромным давлением. Во многих странах наблюдается экономический спад, политические трудности и социальный хаос. Однако большинство транснациональных корпораций извлекли из этого пользу.

Рыночная стоимость крупных компаний выросла более чем на 80% в 2020 году. Возьмём для примера 17 сентября: рыночная стоимость *Apple* составила 1,9 триллиона долларов, что на 210% больше, чем в 2019 году, когда она составляла 896 миллиардов долларов; рыночная

стоимость *Microsoft* составила 1,55 триллиона долларов, увеличившись на 165% по сравнению с 905 миллиардами долларов в 2019 году. Эта тенденция роста сохраняется.

С ВВП, напротив, дело обстоит совершенно иначе. Согласно докладу «Перспективы развития мировой экономики», опубликованному МВФ в конце июня, ожидается, что темпы роста мирового ВВП в 2020 году составят -4,9%. Ранее речь шла только о -3%. Рост ВВП США составит -5,9%, что ниже предыдущего прогноза на 8%. Рост ВВП еврозоны составит -7,5%, что ниже предыдущего прогноза на 10,2%. За исключением нескольких стран таких, как Китай и Вьетнам, отрицательный рост в 2020 году покажет ВВП более 170 стран.

Нельзя отрицать, что величайший с 1945 года кризис человечества привёл к К-образному разделению экономического роста, при котором резко выросли прибыли в финансовой индустрии, у пяти американских технологических гигантов (FAANG), в сфере логистики, потребительских товаров и онлайн-образования. При этом туризм сократился в 2020 году на 79%, а рынок предметов роскоши (включая косметику и украшения), развлечений и спорта продолжает рушиться.

К сожалению, государство как организация находится в нижней половине К-образного графика. Согласно предыдущему прогнозу ВТО, мировая торговля в 2020 году будет сокращаться в диапазоне от -13% до -32%. Индекс деловой активности (*PMI*) долгое время будет ниже 50% – черты между процветанием и падением.

Компании могут оказаться более устойчивыми к кризису, чем страны и правительства.

Можно вспомнить как минимум три компании с более чем тысячелетней историей. Это отель «Кэюнкан» в горах Акаиси в Японии, который был основан в 705 году, ресторан *St. Peter Stiftskulinarium* в австрийском Зальцбурге, основанный в 803 году, и *Sean's Bar* в Атлоне, Ирландия, который, как утверждается, существует с 900 года нашей эры. Есть бесчисленное количество компаний, проработавших сотни лет, не говоря уже о семейных предприятиях с более чем двухсотлетней историей.

Подумайте, сколько стран имеют историю более пятисот лет? А как насчёт правительств с историей более двухсот лет? Может, посчитаем их по пальцам?

Наука обращала внимание и на корпоративное банкротство, и на взлёты и падения государств, но они обсуждались в рамках разных дисциплин. В деловой среде больше внимания уделяется работе и успеху компаний, в то время как международные политологические круги обсуждают государства. При этом, похоже, не обсуждается, что компании и страны значат для развития человечества как организационные формы человеческой цивилизации.

Компании как явление возникли позже, чем государства, но значимость компаний нарастает и продолжит нарастать в будущем. В настоящее время рыночная стоимость ведущих транснациональных компаний намного превышает экономические масштабы большинства стран. Рыночная стоимость пяти крупнейших компаний мира сравнима с национальными ВВП из первой двадцатки.

Очевидным знаком ослабления государства является то, что компании из топ-100 по рыночной стоимости могли бы войти в топ-65 мирового ВВП. Экономический масштаб стран, не попадающих по ВВП в первые 65, уступает рыночной стоимости ста крупнейших компаний мира. Другими словами, размер национальной экономики примерно $2/3$ мировых стран меньше, чем рыночная стоимость транснациональных компаний из первой сотни.

Что ещё хуже, глобализация ведёт к «фрагментации» стран. В 1945 году в Организации Объединённых Наций было всего 51 государство. В 2009 году их уже 192. На данный момент, если помимо официальных членов ООН учитывать территории, которые называют себя государствами, но не получили широкого признания, выйдет более двухсот международных акторов. После окончания холодной войны информационная революция, распространение транснациональной культуры и идеологии, а также развитие транспортной сети значительно сократили физическое расстояние между людьми и странами, но национальное разделение всё ещё продолжается. Советский Союз, Югославия, Судан, Чехословакия и Украина раскололись. Следующая волна может охватить Великобританию, Испанию и даже США. Недаром звучат призывы к независимости штатов.

В мире около 4 тысяч этносов. Только в половине стран население состоит из одной этнической группы более чем на 75%. Есть около девяноста стран с населением менее 5 миллионов и тридцать стран с населением менее

500 тысяч человек. Большинство сверхмалых стран таких, как Люксембург, Сейшельские острова и Доминика, по сути, представляют собой небольшие компании.

Понятно, что компании будут становиться сильнее, а страны – более раздробленными. В результате слияния, реорганизации и инвестиций теперь существуют компании с рыночной стоимостью более 2 триллионов долларов США. Можно представить, что рыночная стоимость крупнейшей в мире компании в течение двадцати лет обязательно превысит ВВП крупнейшей экономики мира. А небольшие страны, вероятно, будут всё больше контролироваться компаниями.

Нам нужно глубоко задуматься над этим вопросом. В условиях пандемии мы обнаруживаем, что скорость приспособления компаний к ситуации явно выше, чем скорость действий государства в условиях кризиса. В нашу эпоху компания должна быть более предприимчивой, чем страна. В условиях жёсткой конкуренции компании вынуждены модернизироваться быстрее, чем государства.

Более двухсот лет назад французский мыслитель Руссо размышлял об «упадке государства». Позже Карл Маркс твёрдо верил, что государство и классы в конце концов вымрут. Двадцать лет назад Александр Вендт и другие учёные-международники обсуждали, «не похоже ли государство на человека?». Имелось в виду, что страны, возможно, живут, стареют, болеют и умирают, как люди. В настоящее время кажется, что у стран есть продолжительность жизни.

Продолжительность жизни Советского Союза составила всего 69 лет, Югославии – всего 74 года. Если американское общество продолжит пребывать в расколе, возможно возникнет вопрос о продолжительности жизни Соединённых Штатов Америки (1776–?).

На этом фоне COVID-19 заставляет присмотреться к моделям организационного управления. Теоретически большинство компаний управляются и оценивают свою эффективность в соответствии с принципами элитизма. Те, у кого больше акций, избирают руководство компании. Большинство стран, следуя модели западной избирательной демократии, сформированной более двухсот лет назад, руководствуются принципами популизма и внедрили систему управления, основанную на равных правах и процедурной оценке. Кто получил больше голосов, тот может быть

лидером страны, но действовать он должен в соответствии с процедурой. Процедура находится на первом месте, а насколько хорош(а) или плох(а) лидер – это уже вторично.

Хороших компаний много, но всё меньше и меньше хороших государств. Сравнение компаний со странами, безусловно, тема новая и спорная. Но она выглядит вполне легитимной сейчас, когда вспышка *COVID-19* побуждает нас задуматься об управленческих методах и принципах. История лишь снова начинается, а не заканчивается.

Ричард Саква

Новая волна коронавируса: кризис со знаком минус?

Дата публикации: 12.11.2020

Приближение зимы в северном полушарии сопровождается второй волной пандемии коронавируса. После Первой мировой войны вторая волна пандемии испанского гриппа была тяжелее первой, что вызвало в этом году опасения, что наступающие зимние месяцы могут оказаться повторением той катастрофы. Коммерческие предприятия, особенно авиакомпании, пережившие первую волну, могут разориться в ходе второй, поскольку снова вводятся ограничения на поездки. Международный валютный фонд оценивает экономический ущерб от пандемии для мировой экономики примерно в районе 12 триллионов долларов, и это только по итогам первой волны. Потенциально разрушительные последствия второй волны вряд ли можно недооценить.

Конечно, в некотором смысле вторая волна является продолжением первой. Если в ближайшее время не удастся создать широкодоступную вакцину, мы можем ожидать целую серию волн в будущем. Каждый этап будет проверкой реакции населения, которое в целом в ходе первой волны было

готово согласиться на то, чтобы пожертвовать своей свободой ради общего блага. Однако в случае возникновения новых волн эпидемии будет всё труднее убеждать людей в том, что новые ограничения и трудности являются адекватным ответом. Шведская модель добровольного контроля, которая позволяет экономике и обществу работать в целом в нормальном режиме, становится всё более привлекательной. Всё чаще возникают споры по поводу баланса между контролированием распространения вируса и экономическим ущербом. Ограничения кажутся столь же вредными для экономики, как и сама болезнь.

Вирус по-разному поражает разные возрастные и этнические группы, что затрудняет эффективную борьбу с эпидемией. Например, молодые люди более устойчивы к заражению, но бессимптомные носители могут заражать пожилых людей, как это произошло летом в юго-восточных и юго-западных штатах США. По ряду причин, проистекающих из степени занятости, качества жилищных условий и социальных паттернов, общины чернокожих и этнических меньшинств в Великобритании страдают от пандемии несоразмерно больше.

Привычный образ жизни нарушен на всех уровнях. Целые общества и мировая экономика работают урывками. Пережившие первую волну, побитые и израненные, но всё ещё живые, предприятия могут теперь разориться. Покупатели по-прежнему побаиваются заходить в обычные магазины, и они стоят полупустые, а переход к электронной торговле предвещает конец старой потребительской модели в целом. Студенты, которые вкладывали значительные суммы денег в своё образование, обучаются теперь в режиме онлайн и вынуждены соблюдать карантин в общежитиях полупустых университетских городков. Индустрия досуга, включая бары и рестораны, сумела пережить первую волну как правило благодаря различным формам государственной поддержки – например, выплатам в связи с вынужденным отпуском. Работодатели сохранили сотрудников, но столкнулись с сокращением поддержки со стороны государства. Чем ближе к зиме, тем сильнее будет нарастать волна увольнений, закрытий предприятий и роста безработицы.

Всё это порождает чувство бессмысленности происходящего. Рам Эмануэль, который занимал пост мэра Чикаго, поработав до этого главой администрации президента Барака Обамы, прославился фразой о том, что «нельзя допустить того, чтобы серьёзный кризис пропал даром». Он сказал эту фразу после глобального финансового кризиса

2008 года, и смысл её заключался в том, что шок, вызванный кризисом, заставит провести реформы финансовых рынков, прежде всего чтобы ограничить власть банков. Рост пропасти между различными формами финансиализации и «реальной экономикой» будет остановлен, внимание обратится на реальные потребности промышленности и потребителей, а некоторые вопиющие завышения при выплате бонусов и эксцессы культуры риска будут снижены. На деле же достижений было мало, и огромные суммы, выделенные на количественное смягчение, фактически были проведены через те же банки, которые и спровоцировали кризис. Кризис действительно привёл к новым формам народной мобилизации, включая различные движения *Оссиру*, которые вскоре сошли на нет. Тем не менее повестка дня по усилению финансового контроля остаётся актуальной.

Приведёт ли коронакризис к возвращению повестки дня 2008 года? В настоящее время такое трудно представить. В основном пандемия пока только ускорила и усилила негативные тенденции. Ранние признаки солидарности и скоординированных на международном уровне ответных мер, включая призывы к глобальному прекращению огня, вскоре уступили место вновь возникшему национальному эгоизму, поскольку странам с трудом удавалось получить доступ к скудным запасам средств индивидуальной защиты и другому оборудованию. Войны продолжались, а существующие разногласия углублялись. Торговая война между Соединёнными Штатами и Китаем превратилась в некое подобие новой холодной войны, в которой взаимный антагонизм принимает глубокие идеологические формы. Коронавирусный национализм добавил новый слой к уже обостряющимся конфликтам между великими державами.

Вот здесь-то и появляется концепция кризиса со знаком минус. Кризис со знаком минус – это кризис, из которого мало положительных выходов, если таковые вообще имеются. Предыдущий финансовый кризис, по крайней мере, продемонстрировал элементы слаженного международного сотрудничества, поскольку «Группа двадцати» координировала политику правительств, и страны сплотились. Текущий кризис лишь проиллюстрировал дальнейшее «осыпание» международного порядка, о котором говорилось в докладах Валдайского клуба. Многосторонние институты были либо маргинализированы, либо даже подверглись нападкам. Всемирная организация здравоохранения ООН была обвинена Вашингтоном в слишком снисходительном отношении к китайским властям на ранних стадиях пандемии, и США объявили

о своём выходе из неё. Неприличная гонка за то, чтобы первыми создать эффективную вакцину, сопровождаемая обвинениями в хакерских атаках, подорвала элементы подлинного сотрудничества по поиску способов победить вирус.

Несмотря на то, что масштаб некоторых из запланированных крупных военных учений в Европе был сокращён, они не были полностью отменены. Режим нового «железного занавеса» на континенте лишь усилился. Это сопровождается провокационными операциями по «защите свободы судоходства» в Баренцевом море и бесчисленными опасными манёврами в Чёрном и Балтийском морях. Тупиковая ситуация в международных делах лишь усугубилась. В более широком смысле усиливающаяся китайско-американская конфронтация воссоздаёт элементы биполярной структуры международной политики, в которой другие страны, включая крупные мировые державы, вынуждены выбирать, нравится им это или нет. Никто не может противостоять гравитационному притяжению той или иной «сверхдержавы».

Короче говоря, кризис со знаком минус – это кризис, в котором возможности для обновления и переосмысления, спровоцированные кризисом, не используются или не могут быть использованы, потому что они не существуют в качестве субстантивных и реалистичных политических платформ. Разрыв между реальной экономикой и финансовыми рынками не преодолён. Уязвимость тех, кто уже был слаб и маргинализован, усугубляется, а неустойчивые доходы ещё больше сокращаются или полностью утрачиваются. А вот крупнейшие технологические гиганты только укрепили свои позиции. Тридцать миллионов американских рабочих мест исчезли за это лето, но компания *Amazon* при этом приняла на работу на свои склады и в систему сбыта тысячи новых сотрудников. Пограничный режим был усилен, и даже Шенгенская зона свободного передвижения в Европе находится под угрозой.

На глобальном уровне речь идёт о двойном кризисе. Основы так называемого либерального международного порядка (в значительной степени этот синоним вошёл в обиход после 1989 года в отношении атлантической системы власти) давно уже разрушаются по мере проведения исполненных высокомерия контрпродуктивных стратегий.

«Конец истории» давно закончился, и вид глобализма, с которым он ассоциировался, приходит в упадок. Это происходит не столько из-за

появления нелиберальных, популистских или авторитарных альтернатив, сколько из-за его собственных внутренних противоречий. Однако гораздо более серьёзный по последствиям кризис поразил международную систему, созданную в 1945 году. Вся система международного права, связанная на ООН, её Уставе и институтах, подвергается постоянным атакам. Система 1945 года была основана на идее суверенного интернационализма и, таким образом, не является просто вестфальской по своему характеру. Суверенитет под защитой, но его сдерживает приверженность интернационализму. Формы, практики и институты этого интернационализма, воплощённые прежде всего в традиционных методах дипломатии, постепенно разрушаются.

Нынешний кризис, несомненно, представляет опасность, но может ли он также быть и шансом на успех?

Во-первых, пандемия ускорила переход к декарбонизации экономики с появлением различных «зелёных» планов обновления. Спрос на нефть вряд ли вернётся к уровню 2019 года, по крайней мере, в течение ближайших двух лет, если вообще когда-либо вернётся. В этом смысле «пик нефти» (определяемый с точки зрения спроса, а не предложения) уже достигнут. В то же время всё больше внимания уделяется вопросам «климатической справедливости» – экологические издержки распределяются очень неравномерно и приходятся в основном на менее развитые страны и тех, кто подвержен наибольшим рискам среди развитых обществ.

Во-вторых, в разные периоды объявлялось о выделении более 20 триллионов долларов на реализацию планов по ликвидации последствий пандемии коронавируса. ООН настаивает на том, чтобы эти деньги использовались в рамках программ экологически сбалансированного восстановления. Сюда также включены сдвиги в транспортных схемах с переходом от двигателей внутреннего сгорания к электромобилям, а также больший упор на городской дизайн, стимулирующий езду на велосипеде и пешие прогулки, как, например, идея «15-минутного города», впервые возникшая в Париже. Сюда также входят планы по обеспечению равного доступа к вакцинам в противовес подходу, при котором некоторые богатые страны накапливали бы их в больших количествах.

Эпидемия усугубила неравенство в доступе к услугам здравоохранения как внутри стран, так и между ними. Это видно из количества тестов,

которые в настоящее время проходят примерно 290 человек на 100000 населения в развитых странах, но только 14 человек в странах с низким уровнем доходов.

Это подводит нас к **третьему моменту**, а именно парадоксальной ситуации, при которой пандемия радикально подтвердила силу и авторитет центральных властей в государстве, в то же время подчеркнув важность органов регионального и местного управления. Несмотря на свою риторику о свободе личности, неолиберальное государство характеризовалось постепенной централизацией в экономике, здравоохранении и образовании по мере насильного введения всё более сложных – и обременительных – форм правового регулирования. Пандемия вновь подтвердила важность реакции на события на местах, адаптированной к конкретным сообществам и уровням инфицирования. В Великобритании это проявляется в различных стратегиях четырёх составляющих её стран, а также различных регионов Англии. Локализация бизнеса и банков, как это уже практикуется в некоторых федеративных государствах, будет способствовать восстановлению чувства гордости в обществе и поможет преодолеть ярко выраженный региональный дисбаланс, который особенно остро проявляется в Великобритании. Это служит пищей для призывов к столь же радикальной экономической перестройке, как и та, которая была проведена лейбористским правительством к 1945 году.

Так можно ли превратить негативные последствия кризиса в позитивные, воспользовавшись возможностью, предоставленной глобальным потрясением системы? В международных делах все сигналы переключились на красный, либеральный порядок рушится, а созданная в 1945 году международная система проверяется на прочность. Однако на уровне общества зелёные сигналы сильнее всего. Продолжающаяся экологическая катастрофа теперь усугубляется эпидемиологической катастрофой невообразимых масштабов, которая основана на дисфункциональности экономики, ставшей понятной уже в ходе кризиса 2008 года. Отсутствие позитивной повестки дня, в рамках которой можно было бы отреагировать на многоуровневый характер кризиса со знаком минус, открыло путь антилиберальным популистам, неонационалистам и милитаристам. Естественных позитивных резких перемен в перспективе не предвидится, поскольку почти все источники обновления так или иначе исчерпаны. Самое большее, на что можно надеяться в нынешних обстоятельствах – это на защиту международного правового порядка, установленного в 1945 году, и на память о восстановлении обществ из послевоенного пожара.

Марек Павел Домбровски

Дилеммы борьбы с COVID-19: кого спасать, предприятия или людей?

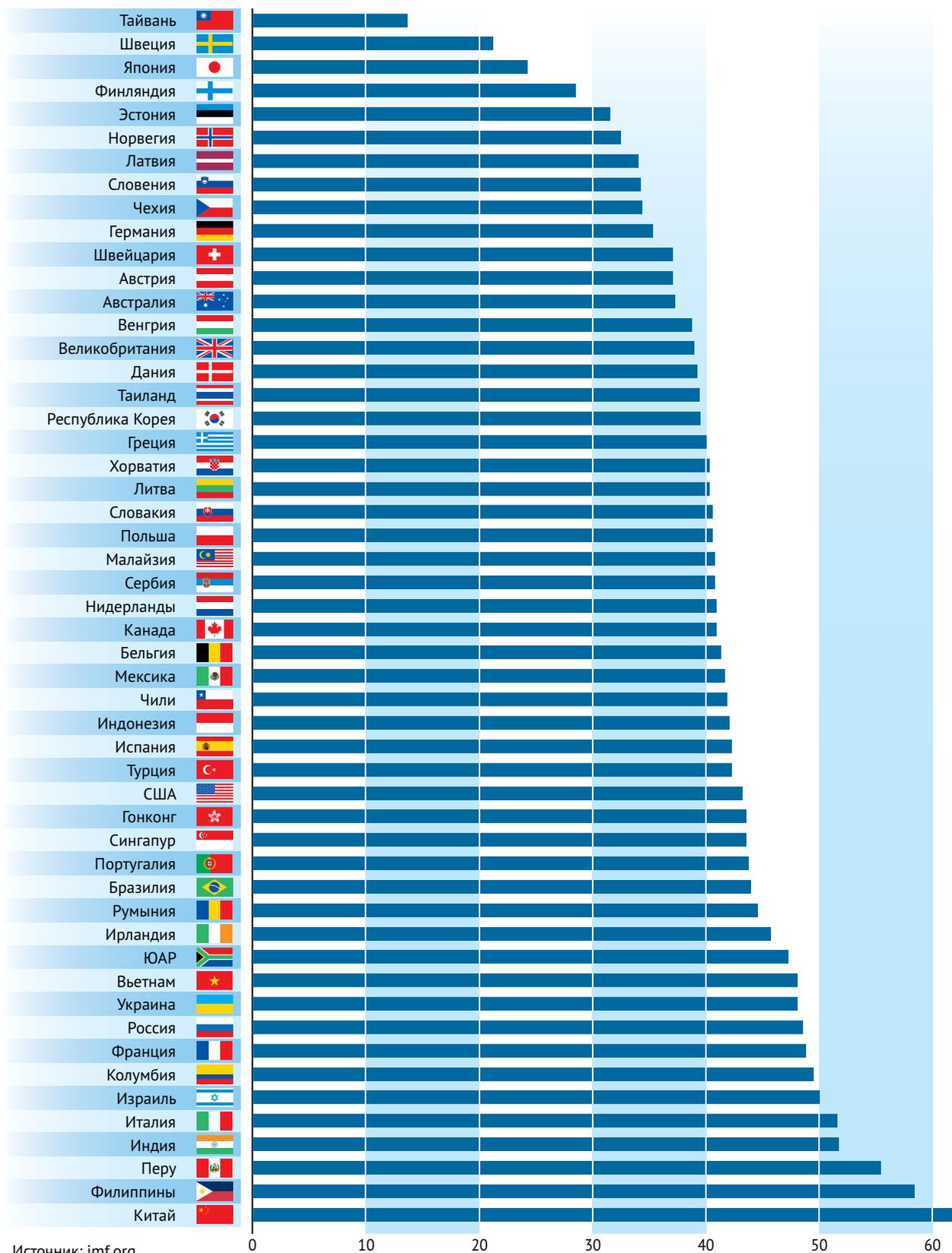
Дата публикации: 30.11.2020

С начала 2020 года весь мир встал на борьбу с пандемией *COVID-19*. В ноябре 2020 года эта история остаётся незаконченной, и никто не знает, когда и как именно будет побеждена серьёзная угроза здоровью и жизни человечества. Пандемия также имеет серьёзные экономические последствия. Обсудим ключевые дилеммы, с которыми сталкивается экономическая политика во всех странах, затронутых коронавирусом.

Остановить пандемию или защитить экономику?

С самого начала пандемии *COVID-19* правительства столкнулись с фундаментальной дилеммой: вводить ли ограничения на передвижение людей и различные формы экономической и социальной деятельности, чтобы остановить / минимизировать распространение болезни или защитить экономику? На Рисунке 1 показано, что в первой половине 2020 года отдельные страны выбирали разные стратегии, которые не укладываются в какую-либо чёткую региональную модель. Например, на всех континентах были случаи относительно мягких локдаунов (Тайвань и Япония в Азии, Швеция и Финляндия в Европе) и более жёстких (Китай, Филиппины и Индия в Азии, Перу и Колумбия в Латинской Америке, Италия и Франция в Европе). Довольно часто фактическая степень изоляции отличалась от первоначальных заявлений властей страны и господствующего политического нарратива и менялась с течением времени (на Рисунке 1 представлен средний уровень мер сдерживания за всю первую половину 2020 года).

РИСУНОК 1
ЖЁСТКОСТЬ ЛОКДАУНА (0–100), СРЕДНЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ 2020 Г.

Источник: imf.org

Когда разразилась пандемия, правительства нескольких стран решили, что они в состоянии остановить распространение пандемии в своих странах, закрыв границы. Это не сработало – пандемия ныне практически везде. И это не краткосрочный эпизод, как надеялись некоторые. COVID-19 с нами уже больше полугода, и света в конце туннеля пока не видно. Уже очевидны тяжёлые экономические издержки пандемии и связанной с ней изоляции. На Рисунке 2 показано, что существует корреляция между жёсткостью локдауна и потерями объёма производства (оцениваемыми как разница между прогнозом МВФ на январь 2020 года и фактическими показателями).

Все понимают, что существует верхний предел экономических потерь, которые может выдержать та или иная экономика. Обычно этот предел ниже в развивающихся странах, где выбор между защитой людей от пандемии и гарантией минимального уровня жизни выглядит весьма драматичным.

Однако макроэкономическая ситуация в большинстве стран с высоким и средним уровнем доходов также выглядит сложной. Они вступили в кризис COVID-19 с высоким государственным долгом (Рисунок 3)

РИСУНОК 2
ОШИБКА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ВВП И СТРОГОСТЬ ЛОКДАУНА (0–100), ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ 2020 Г.

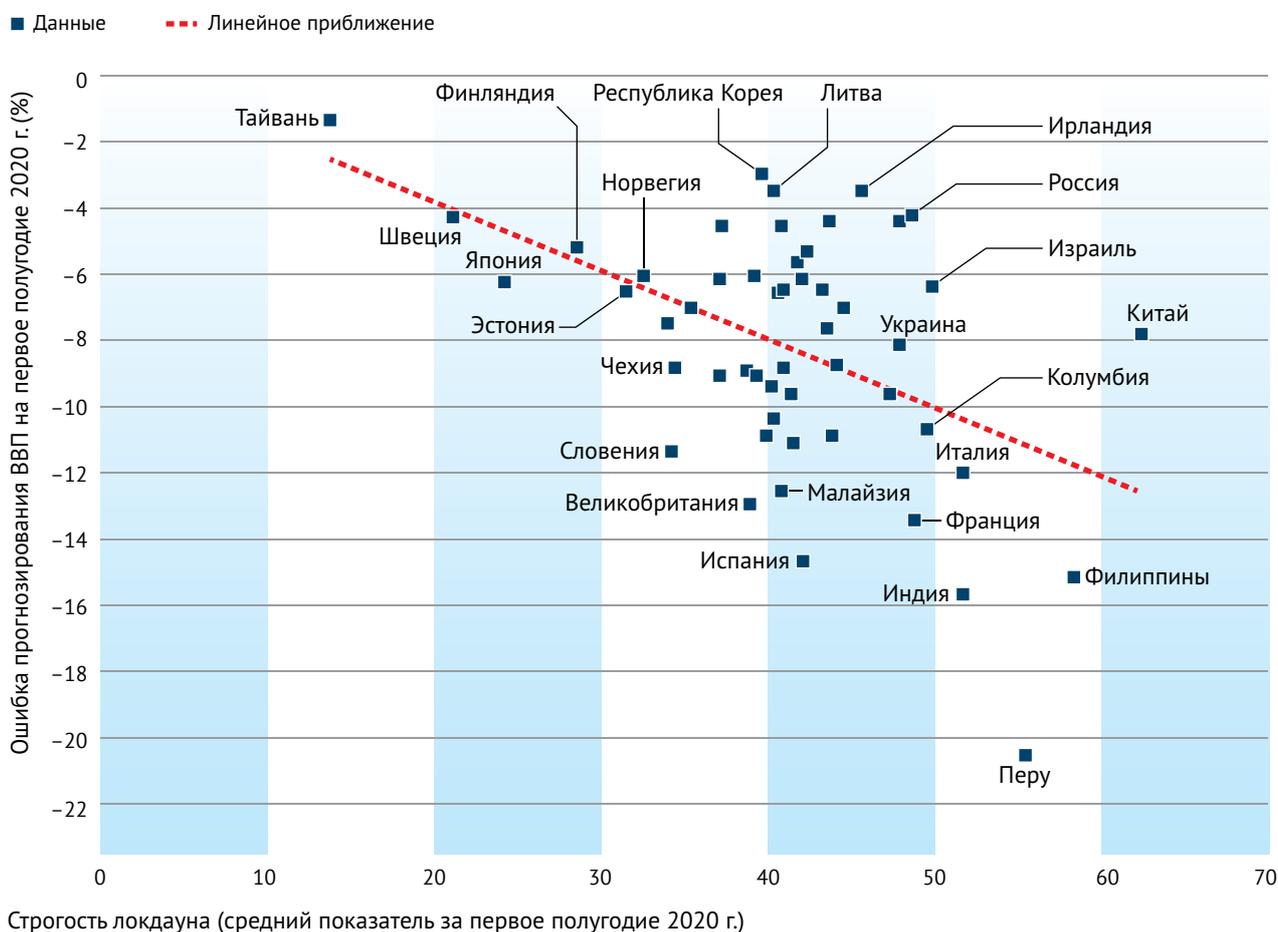
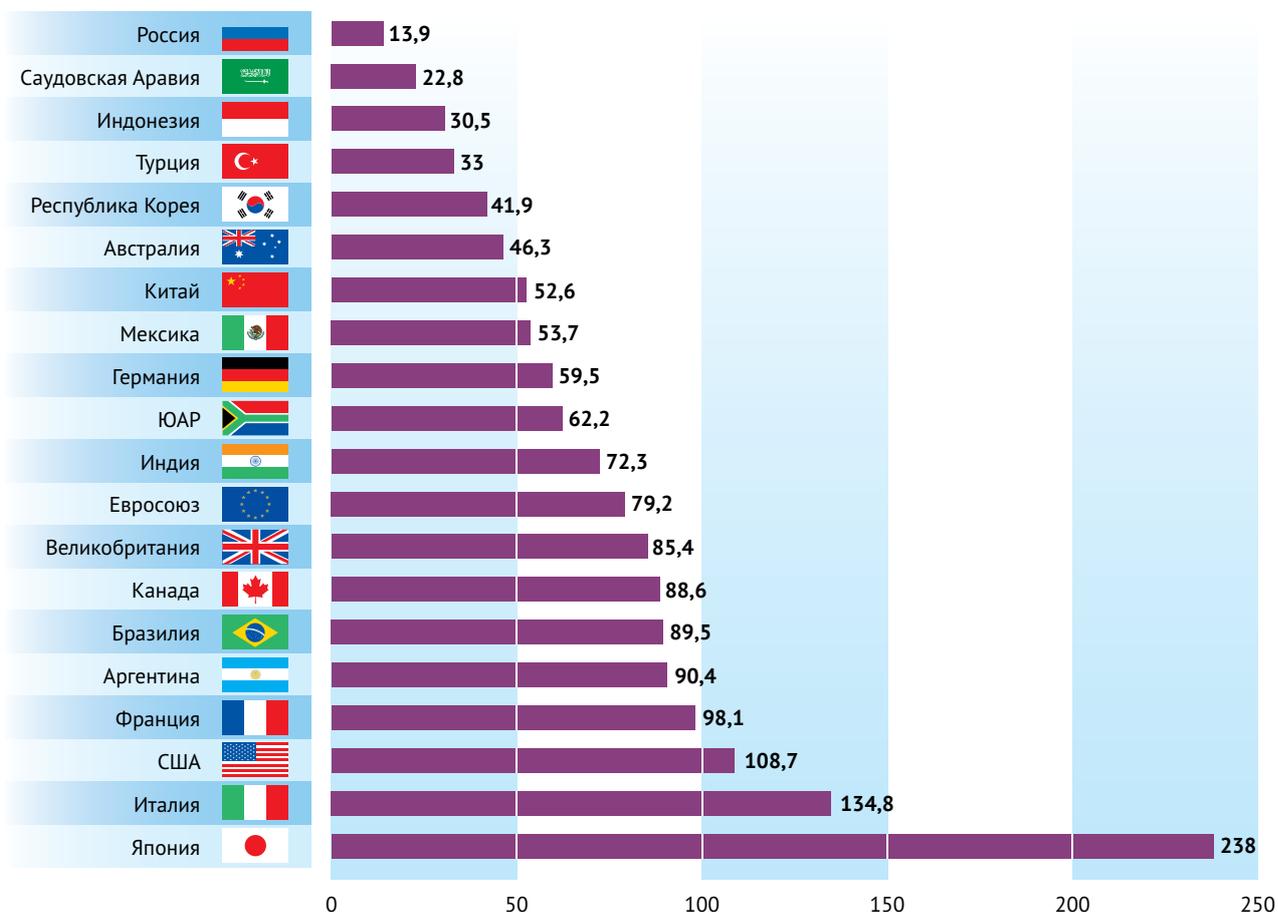

РИСУНОК 3
ВАЛОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ В СТРАНАХ G20, % ВВП, 2019 Г.

Источник: IMF World Economic Outlook Database, October 2020

и без бюджетных резервов на «чёрный день». В результате быстро достигли пределов своих потерь ВВП и стоимости государственного вмешательства.

Таким образом, неудивительно, что после строгих ограничений в первой половине 2020 года отдельные страны начали открывать свои экономики. Накопленные знания о пандемии вселили надежду, что более избирательных мер «мягкой» или «умной» изоляции будет достаточно для сдерживания пандемии с меньшими экономическими затратами. Однако новая вспышка пандемии в сентябре и октябре 2020 года поставила эти надежды под вопрос.

Природа кризиса

Помимо фундаментального выбора между общественным здравоохранением и экономическими соображениями, процесс управления кризисом столкнулся с необходимостью правильно диагностировать его макроэкономический характер. Большинство правительств и центральных банков в странах с высоким уровнем доходов отреагировали так же, как и во время

глобального финансового кризиса 2008–2009 годов, – агрессивным смягчением денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики. Такая реакция предполагает, что шок, связанный с кризисом, имеет спросовый характер. И это, действительно, было верно для кризиса 2008 года, когда глубокая финансовая дезинтермедиация вызвала мощный дефляционный шок.

Характер нынешнего кризиса иной. Это сочетание шока со стороны спроса с шоком со стороны предложения, вызванным, главным образом, ограничительными мерами. В таких обстоятельствах частные расходы сокращаются, а частные сбережения увеличиваются, но это вынужденные сбережения, как в странах с централизованно планируемой экономикой, где товары и услуги, которые люди хотели бы купить, были им недоступны, и поэтому люди не могли тратить свой доход.

С точки зрения денежной арифметики принудительные сбережения означают дополнительный спрос на наличные деньги, который создаёт своего рода временный буфер против увеличения предложения денег, вызванного денежно-кредитной и фискальной экспансией. Ключевой вопрос заключается в том, насколько велик этот денежный навес и как быстро он исчезнет после окончания пандемии. На данный момент никто не знает точных ответов на эти вопросы, потому что спрос на деньги во время кризиса нестабилен. Он может резко измениться за короткий промежуток времени в связи с неизвестными и непредсказуемыми факторами. Рост цен на активы в 2020 году после непродолжительного падения фондовых индексов в феврале и марте 2020 года предполагает, что нависание избытка денежной массы может быть весьма значительным.

Ухудшение фискального положения в некоторой степени неизбежно, потому что государственные доходы снижаются в результате рецессии и различных видов расходов (на борьбу с пандемией, укрепление систем здравоохранения, социальную защиту наиболее уязвимых слоёв населения, компенсацию бизнесу за изоляцию и так далее), которые только увеличиваются. Можно сказать, что это неизбежная автоматическая фискальная стабилизация. Более спорным является дискреционный фискальный стимул для увеличения совокупного спроса. Это может вызвать несколько вопросов: об имеющемся фискальном пространстве для запуска такого стимула, его сроках, конкретном устройстве и потенциальных фискальных мультипликаторах.

Как уже упоминалось, в большинстве стран с высоким уровнем доходов бюджетное пространство довольно ограничено, а неизвестность в отношении продолжительности пандемии затрудняет оценку его безопасного размера. В странах со средним и низким доходом бюджетное пространство ещё более ограничено, за исключением, возможно, некоторых производителей нефти, которым в прошлом удавалось накопить ощутимые бюджетные резервы.

Вопрос о сроках напрямую связан с рассмотренной выше характеристикой текущего кризиса. Если экономические агенты не смогут тратить средства из-за административных ограничений или неопределённости, связанной с продолжительностью и интенсивностью пандемии, стоит ли думать об увеличении покупательной способности с помощью налогово-бюджетной или денежно-кредитной политики? Возможно, имеет смысл подождать до конца пандемии (и связанных с ней мер сдерживания), чтобы запустить денежно-кредитные и фискальные стимулы для ускорения фазы восстановления?

При разработке пакета стимулов политики должны принять решение не только о его размере, но также о его структуре и выборе конкретных инструментов. Например, чему следует уделять приоритетное внимание – программам дополнительных расходов или мерам доходов (снижению налогов)? Это подводит нас к следующему важному вопросу – так кого же защищать?

Кого спасать – предприятия или частных лиц?

Шок и изоляция, связанные с пандемией, вынудили правительства предложить людям и предприятиям финансовую компенсацию. Конкретные формы этих «защитных ограждений» различаются в зависимости от страны и местных обстоятельств, включая доступное бюджетное пространство и предпочтения политиков. Самый главный выбор – между прямой защитой частных лиц или их защитой путём поддержки предприятий, на которых они работают.

Первый подход до сих пор доминировал в Соединённых Штатах, где, помимо пособий по безработице, федеральное правительство предлагает, среди прочего, единовременные выплаты всем лицам, чей годовой доход был ниже 99000 долларов США в 2019 году, всем детям младше 17 лет и специальные пособия в связи с пандемией детям школьного возраста. Поддержка предприятий остаётся относительно ограниченной. Второй подход, то есть предложение компаниям в наиболее пострадавших от кризиса секторах различных видов финансовой поддержки (например, налоговых льгот, прощения или временного приостановления налоговых обязательств, специальных займов и так далее), обычно при условии отсутствия увольнений сотрудников, преобладает в Европе.

Обоснование каждого подхода зависит от гибкости рынка труда в данной экономике (она выше в США, чем в Европе) и от предположений относительно продолжительности кризиса и его долгосрочных экономических последствий. Когда весной 2020 года можно было ожидать, что это будет лишь краткосрочный эпизод, политика, направленная на защиту существующих

предприятий и их занятости, казалась оправданной, поскольку она могла способствовать быстрому восстановлению после окончания пандемии. Однако теперь мы знаем, что кризис продлится дольше и может привести к существенным структурным изменениям. Налицо стремительное расширение цифровых услуг, электронной коммерции, электронного банкинга, онлайн-обучения, удалённой работы. С другой стороны, можно забыть о командировках, конференциях и конгрессах, традиционной розничной торговле, спросе на коммерческую недвижимость и офисные помещения... В некоторых других секторах таких, как туризм, гостиничный бизнес или авиаперелёты, спрос будет снижаться в течение более длительного периода времени.

При таком сценарии защита существующих экономических мощностей может оказаться контрпродуктивной. Это способно привести к появлению фирм-зомби, не имеющих рыночных перспектив, но искусственно поддерживаемых налогоплательщиками. Следовательно, лучше позволить работать механизмам рыночного распределения, включая «творческое разрушение» по Шумпетеру, и предоставить временную социальную защиту людям, которым придётся сменить работу и профессию.

На практике, однако, хороши оба подхода, поскольку экономической политике придётся иметь дело с сочетанием временного спада (вызванного пандемией и связанной с ней изоляцией) и устойчивых структурных изменений.

Андрей Быстрицкий

Камо грядеши

Дата публикации: 28.12.2020

И в самом деле, куда движется мир? Точный ответ едва ли кому-либо известен, разве что высшим силам. Но на земной взгляд, ничего особенно хорошего ожидать не стоит. Во всяком случае, в ближайшие годы. Люди, увы, не очень умелы в создании удобного и счастливого мира.

Конечно, надежды на то, что мир сможет стать лучше, не исчезли. Более того, без этих надежд стало бы совсем тошно. Но, как и сто с лишним

лет назад, когда Генрик Сенкевич писал свой роман «Камо грядеши», будущее весьма тревожит.

Естественно, что все основания для тревоги находятся у нас прямо перед глазами. Складывается даже ощущение, что наряду с ощутимым прогрессом, прежде всего технологическим, мы видим и заметную архаизацию окружающего нас мира. Как выясняется, никуда природа человека не делась. Эгоизм, зависть, злоба и агрессия не только не сдают свои позиции, но, увы, в какой-то мере усиливаются, напоминают нам о возможности возвращения самых мрачных периодов человеческой истории.

Самое опасное тут в том, что мы всё больше погружаемся в конфликты, как новые, так и обострившиеся старые. Тут и конфликты между странами, и конфликты внутренние, граждан с гражданами, причём часто их разделить просто невозможно.

Характерно, что пандемия ни на гран не ослабила их напряжённости – более того, похоже, привела к эскалации многих из них. Ещё существеннее то, что 2020 год сыграл пока ещё не оценённую до конца роль в разрушении представлений о мировой солидарности и представлений об общем будущем человечества.

Конечно, ярчайший тут пример судьба вакцинации от ковида. Это просто поразительная история о том, как выдающиеся успехи биологии ведут к разобщению и росту ненависти. Казалось бы, путь очевиден – создание каких-то наднациональных органов для сертификации, производства и распределения вакцины хотя бы на время обострения пандемии. Но вместо этого мы видим информационную бурю, способную дискредитировать в глазах миллиардов людей саму идею вакцинации, бесконечные попытки подорвать доверие к тем или иным производителям, неприкрытый эгоизм многих правительств, думающих только о своих электоральных перспективах. В общем, почти что удалось сделать из вакцин политическое оружие как внутреннего, так и внешнего употребления. Примерам этого несть числа.

Так что если бы пандемия оказалась серьёзнее, то шансов на выживание человечества было бы немного. Не больше, чем, например, в XIV веке во время чумы.

Более того, дело не исчерпывается только вакцинами или препаратами против ковида. На глазах у нас идёт очевидное обострение старых конфликтов – да и появление новых.

Только весной отмечали разрешение застарелого конфликта в Эфиопии и Эритрее. Но не прошло и нескольких месяцев, как военные действия возобновились в эфиопской провинции Тыграй, что в известной степени затрагивает существенную часть Восточной Африки. Но и на западе континента неспокойно, насилие и там не прекращается. Конфликт в Нагорном Карабахе вроде бы остановлен, но цена этой остановки очень велика, а виды на будущее неопределённые. И это с учётом множественных проблем на Ближнем Востоке. Индийские и китайские солдаты не стреляли друг в друга пулями, они обошлись холодным оружием. Даже Англия и Франция обмениваются недвусмысленными угрозами применить военную силу из-за Брекзита и его последствий для рыболовства.

Всё вышеперечисленное – только немногие примеры общей и возрастающей конфликтности. Немудрено, что в ближайшее время возрастут закупки оружия, поскольку выясняется, что странам надо полагаться на самих себя в сегодняшних и завтрашних конфликтах. Это всего лишь один из результатов расползания мирового порядка, катализированного пандемией. Вообще, складывается впечатление, что в мире растёт нечто, что можно было бы назвать взаимным раздражением, злостью и нетерпимостью.

Заметно это и во внутренних делах многих странах. Мы видим существенное возрастание того, что часто называют гражданской активностью. И это было бы вполне приемлемо и даже полезно, если бы не накал ненависти и неготовности даже допустить существование иных точек зрения.

Социальный протест, увы, в истории часто оборачивался ужасающими потрясениями и даже полным разрушением цивилизованного порядка. В России память об этом довольно свежа.

Проблема, собственно, не в том, что есть конфликты. Без них невозможно никакое развитие. Противоречия, конкуренция, стремление к успеху, власти, богатству, превосходству в крови людей. Странно было бы, если бы писатель, к примеру, не хотел бы написать лучшую книгу, а спортсмен не стремился выиграть Олимпийские игры. Вопрос, повторю, не в этом, а в том, как конфликты регулируются, как с конкуренцией сочетается кооперация, солидарность, терпимость, альтруизм и взаимовыручка.

И вот мне кажется, что баланса между конкуренцией и кооперацией либо уже нет, либо он тает прямо на глазах.

Отчасти это, конечно же, результат глобализма, великой связанности человечества, развития новой информационно-коммуникационной среды, отчасти – размывания того, что можно назвать общим нарративом, общими представлениями о том, каково должно быть будущее. Наверное, есть и много иных причин – столкновение ценностных систем, колоссальное неравенство и очевидная несправедливость многого в современном мире.

Но каковы бы ни были причины, перед нами маячит угроза своего рода «войны всех против всех», глобальной, мировой гражданской войны, многомерной матрицы конфликтов разной этиологии. Причём есть подозрение, что способности мировых элит к урегулированию, купированию хотя бы наиболее острых из них не достанет для достижения положительного результата. Получается, что циклопическое, сложное, необыкновенно взаимосвязанное тело современного человечества обходится карликовым мозгом современной элиты. И то, что отдельные политики на голову выше других, увы, не меняет дело. Работа элитой в современном мире – массовая профессия, причём со всеми её издержками – предрассудками, профессиональной ограниченностью, клановостью, жестокой конкуренцией с себе подобными.

В результате те, кто должен думать за многих, делать это быстро и точно, производят невероятное количество интеллектуального мусора, который только запутывает окружающих.

Некомпетентность – одна из крупнейших проблем современности. И часто она приводит к тому, что можно назвать злокачественным упрощением. Это происходит тогда, когда разум не в состоянии осмыслить ситуацию во всей полноте и старается эту ситуацию упростить. А при этом из размышления выпадают существенные элементы, без которых невозможен точный анализ и, соответственно, верные действия. Ковид – ярчайшее тому подтверждение. Умение запутаться в трёх соснах, видимо, неотъемлемое качество человечества.

В общем, будущее тревожит. Конечно, люди жили и в более тяжёлых условиях, кровавые распри были всегда. Как-то человечество справлялось. Может, и в этот раз обойдётся. Но это не наверняка.

Ярослав Лисоволик

Оставим позади год пандемии: чего ждать от наступающего 2021 года?

Дата публикации: 08.01.2021

Мировая экономика приходит в себя после страшного года пандемии *COVID-19*; глобальные рынки энергично исследуют перспективы наступающего года в поисках стимулов быстрого восстановления темпов роста. Хотя сейчас, может быть, ещё рано говорить о прекращении неблагоприятного воздействия последствий пандемии в 2021 году, но чувствуется, что мировое сообщество начинает действовать более дружно, подготавливая согласованное выступление против кризиса. Это отразилось в коммюнике встречи «Группы двадцати», состоявшейся в ноябре 2020 года, где выражена решимость мирового сообщества совместно противостоять беспрецедентному кризису, постигшему мировую экономику.

Для прогноза на 2021 год есть множество ключевых тем, которые в значительной степени являются производными и отсроченными последствиями предыдущего года. Тем не менее движущие силы восстановления глобальной экономики не ограничиваются легендарным «эффектом низкой базы» и включают в себя такие ключевые движители глобального роста, как Китай и Восточная Азия в целом, а также непрерывные меры поддержки и антикризисного реагирования, предпринимаемые крупнейшими передовыми экономиками:

- МВФ прогнозирует, что восстановление глобальной экономики в 2021 году, после замедления глобального роста в 2020 году на 4,4%, превысит 5%, причём основные побуждения к росту будут исходить от Индии и Китая; ожидается, что экономика двух гигантов Глобального Юга вырастет более чем на 8%, позволив глобальной экономике в основном компенсировать падение, произошедшее в 2020 году.

- Прекращение торговой войны между США и Китаем. Переход от протекционизма к либерализации торговли в следующем году отнюдь не гарантирован. Но перемены в администрации президента США, создание крупных региональных объединений вроде Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП) и более обнадеживающие перспективы глобальной экономики создают возможности для большей рыночной открытости.
- Дальнейшее возвышение Китая и АТР в качестве ключевых источников глобального спроса и нарождающихся глобальных экономических держав. Если нынешние тенденции роста останутся в силе ещё 3–4 года, то Китай к 2024–2025 годам обгонит США по абсолютному уровню ВВП (основанному на рыночном обменном курсе).
- Новые стимулы. Финансовые стимулы продолжат своё действие в 2021 году, так как в ФРС заявили, что не будут поднимать ключевую ставку до 2024 года. В финансовой области крупнейшие экономики, возможно, сократят объём бюджетного дефицита, достигшего пика в 2020 году; в США и ЕС могут быть выработаны и новые стимулы. Это кажется всё более вероятным, учитывая более долгое и сложное развитие пандемии в сравнении с ожиданиями 2020 года.
- Волны пандемии и появление новых вакцин. События 2020 года в полной мере продемонстрировали, какое сильное воздействие на финансовые рынки оказывает поток новостей о распространении пандемии и испытании новых эффективных вакцин. По оценкам аналитиков *RAND Corporation*, создание новых эффективных вакцин против *COVID-19* сулит мировой экономике дивиденды в размере 3,4 триллиона долларов, что составляет более 4% глобального ВВП за год. В то же время издержки так называемого «вакцинного национализма» оцениваются более чем в 1 триллион долларов в год.
- Разработка новых технологий. Пандемия породила «новый спрос», сосредоточенный в области здравоохранения и цифровой экономики/телекоммуникаций. В Китае одним из приоритетных направлений антикризисных мер является развитие сетей 5G, причём ассигнования на цифровую инфраструктуру достигнут 0,6 триллиона долларов.

В будущем году на результаты экономической деятельности России будут в значительной степени оказывать влияние глобальные тенденции, хотя не менее важными факторами могут оказаться эффективность её антикризисных мер и способность противостоять пандемии. На фронте финансовой политики, стимулирующее воздействие мер, принятых в 2020 году (сокращение ключевой ставки на 200 базисных пунктов), может быть подкреплено дополнительным сокращением ключевой ставки. Однако в бюджетной сфере, в соответствии с бюджетными прогнозами на следующий год, Россия в 2021 году собирается сократить размер бюджетных ассигнований на почти 3 процентных пункта ВВП.

Российский электоральный цикл, возможно, также приведёт к перераспределению бюджетных расходов в пользу социальных затрат. В частности, выборы в Государственную Думу состоятся не позднее 19 сентября. В прошлом российские электоральные циклы обычно сопровождались изъятием бюджетных средств из области капитальных затрат (инфраструктура, инвестиционные проекты) и их перераспределением на текущие нужды (государственная социальная поддержка, обеспечение доходов граждан, социальные выплаты широким слоям населения). Это уже отразилось в переориентации инфраструктурных расходов на социальные выплаты в рамках пересмотренных национальных проектов.

И последнее, но не менее важное. Учитывая значимость фактора «чёрного лебедя» в виде пандемии 2020 года, есть все основания не ослаблять бдительность ввиду возможного появления непредвиденных обстоятельств в 2021 году. Нынешний экономический и политический ландшафт включает в себе зачатки целого ряда бедствий, способных разразиться с той или иной степенью вероятности. В число «чёрных лебедей» 2021 года могут входить значительное ухудшение американо-российских отношений после прихода к власти администрации Байдена, геополитические неурядицы в ближнем зарубежье, а также новые волны пандемии *COVID-19*. Хорошая новость состоит в том, что, несмотря на возможное появление новых «чёрных лебедей», задел знания, накопленный в мировой экономике, и её нынешняя готовность к неожиданностям могут способствовать образованию более сильного иммунного ответа.

 ValdaiClubRu
 valdaiclub
 ValdaiClub
 valdaiclubcom
 @RuValdaitweets
valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ